

Александр ВАРГО

ДИТЯ ПОДВАЛА

*Ничто так не связывает
родственников, как
взаимная ненависть*

18+

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Дитя подвала

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варго А.

Дитя подвала / А. Варго — «Эксмо», 2018 — (MYST. Черная книга 18+)

Александр ВАРГО никогда не ставит своей целью просто напугать. Он лишь предупреждает нас, используя для этого необыкновенно образное авторское воображение. И ТОЛЬКО ОТТОГО, ЧТО МЫ НАЧИНАЕМ БЕЗОГЛЯДНО ВЕРИТЬ ВСЕМУ НАПИСАННОМУ, СТАНОВИТСЯ ПО-НАСТОЯЩЕМУ СТРАШНО... Каждое дурное слово, каждый недоброжелательный поступок, каждая обида, нанесенная вами другому человеку, – все это рано или поздно возвращается. Офицер милиции Малышев практикует весьма своеобразные методы воспитания семилетнего сына Артура. За каждую провинность он увозит мальчика в заброшенную деревню. Там, в погребе, Малышев наряжается в костюм жуткого клоуна и устраивает напуганному до смерти ребенку воспитательные «представления». Так проходит 14 лет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Варго А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть I	19
Часть II	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Варго

Дитя подвала

© Варго А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Лучше умереть, чем жить, не убивая...
Племя Мурси (Эфиопия)

Палач равен людоеду – оба убивают, чтобы есть...
Рамон де ла Серна

Пролог

Алтайский край, г. Каменск

14 июля 1992 г.

К вечеру погода значительно ухудшилась, полностью опровергнув оптимистичные прогнозы синоптиков. Небо стремительно темнело, набухшие влагой тучи тяжело ворочались, как глыбы льда, влекомые течением, словно им было тесно там, наверху. Угрожающе нависнув над городом, они будто с нетерпением ждали некоего сигнала, и вскоре он был услышан. На востоке отчетливо прогрехотал первый раскат грома, сухо и хлестко, как отрывистая пулеметная очередь. Вслед за этим чернеющее небо на мгновение вспыхнуло от кинжального росчерка молнии, и сразу же, как по команде, на Каменск обрушился сильнейший непроглядный ливень.

Несмотря на бушевавшую снаружи непогоду, в одноэтажном кирпичном доме было тепло и уютно. Правда, когда загредел гром, сидящий на полу в гостиной худенький мальчик непроизвольно вздрогнул. Впрочем, в следующую секунду он оправился и тут же метнулся к окну, плотно закрыв форточку. Крупные холодные капли дробью молотили по крыше, прозрачными стрелами нещадно иссекая оконное стекло, из-за чего очертания замершего снаружи мира поплыли, словно тающий воск. Несколько секунд ребенок стоял в полной неподвижности, молча глядя на сумрачно-плотную пелену дождя.

«Я все сделал правильно, и теперь у нас дома будет сухо, – подумал мальчик. – Ни одна капелька не попадет внутрь. И папа не будет меня ругать. Он похвалит меня».

Да. Так и должно быть – ведь он уже вполне самостоятельный. Можно сказать, почти что взрослый.

Постояв немного, паренек вернулся обратно и уселся на ковер. Можно продолжить игру.

Прямо перед ним по рельсам с тихим жужжанием неторопливо полз игрушечный паровозик. Он двигался все медленней и медленней и наконец затих. Мальчуган тут же взял паровозик в руки и, вставив в боковое отверстие игрушки железный ключик, принялся крутить его с сосредоточенным видом. Воспрянув духом, паровозик вновь послушно затарахтел по кругу.

В комнату, неслышно приоткрыв дверь, заглянула хрупкая темноволосая женщина. Ее лицо можно было бы назвать почти красивым, если бы не темные круги под глазами и неестественная бледность кожи.

– Артюня, я буду в ванной, – предупредила она, зевнув.

Мальчик кивнул, не отрывая глаз от мерно гудящего паровозика. Поджав губы, мама так же неслышно скрылась в коридоре.

«Интересно, собьют ли поезд человечка?» – неожиданно промелькнула у паренька мысль, и он, протянув руку, взял с платформы из красного пластика крошечную фигурку. Установил ее на рельсах и, затаив дыхание, принялся наблюдать за неуклонно приближающимся паровозиком. Спустя секунду произошло неминуемое столкновение, и человечек был опрокинут самым бесцеремонным образом. Но и сам игрушечный поезд, не выдержав удара, сошел с рельс и, перевернувшись, еще какое-то время бессмысленно жужжал, вхолостую вращая колесиками.

С губ мальчика сорвался разочарованный вздох.

«Наверное, если бы поезд был настоящий, то он ехал бы и дальше, – подумал он с досадой. – Он просто разрезал бы дядю пополам...»

– Я поставлю еще человечка, – неуверенно произнес он вслух, посмотрев на платформу, где замерло еще несколько «пассажиров». – Эээ... Тетю.

Его пальцы с обгрызенными ногтями уже тянулись к неуклюжей фигурке, которую можно было назвать «тетей» с большой натяжкой, как хлопнула входная дверь.

Мальчик оглянулся, его рука застыла в воздухе.

«Папа?»

В коридоре послышалась какая-то возня, сопровождаемая тихим насвистыванием, и спустя мгновение в комнате появился невысокий мужчина в милицейской форме. Верхняя часть фуражки и плечи серого кителя намочили от дождя.

Мальчик быстро поднялся, выдавив напряженную улыбку.

– Папа!

Положив фуражку на стул, мужчина протянул ребенку руку, и тот торопливо обхватил широкую ладонь отца. Мальчик поймал себя на мысли, что каждый раз, когда он обменивался с отцом рукопожатием, у него возникало ощущение, что вместо папиной руки ему незаметно подсовывают шершавую доску, твердую, сухую и занозистую.

«Ты должен *жать* руку, а не совать, как дохлую рыбу, – вспомнил он слова отца. – Именно жать, сжимать, крепко, понял? Так, чтобы у того, другого, пальцы хрустели. Чтобы тот, кто перед тобой, знал, что ты сильный, и уважал тебя».

Паренек изо всех сил напряг кисть, но пальцы папы почему-то не хрустели.

«Это потому, что папа сам очень сильный», – решил мальчик.

Отец улыбнулся краем рта.

– Привет, Арчи, – сказал он, прижимая сына к себе.

– Привет, папа, – послушно произнес мальчик. На мгновение он закрыл глаза, неосознанно вдыхая отцовский запах. От него пахло странно – свежим ливнем, одеколоном и кисловатым потом одновременно.

– Как настроение? – спросил отец.

– Хорошо.

– Мама на кухне?

Паренек закрутил головой.

– Она в ванной.

По загорелому, тронутому щетиной лицу отца скользнула тень удовлетворения.

– Ясно.

Они замолчали, и почти целую минуту в комнате витала тягостная пауза, нарушаемая лишь усиливающейся дробью дождя, который, похоже, все больше входил в раж. Казалось, ливень намеревался продолбить крышу насквозь, залив ледяным озером весь дом.

Отец неторопливо прошелся по ковру, скользнув равнодушным взглядом по железной дороге. Паровозик продолжал лежать у рельсов, словно подбитый зверек. Остановившись у окна, мужчина уперся костяшками пальцев в подоконник и некоторое время безмолвно глядел на беснующуюся снаружи непогоду.

– Как ты себя вел сегодня? – спросил он наконец, не поворачивая головы.

Мальчик спрятал руки за спиной, крепко сцепив пальцы, будто они могли выдать его волнение.

– Х... хорошо, – выдавил он.

– Это правда?

– Да, – поспешно ответил паренек. Пожалуй, даже слишком поспешно.

Отец развернулся, и он от неожиданности отпрянул.

– Артур, ты ведь знаешь, где я работаю, – мягко произнес папа. Неслышно ступая, он двинулся к сыну. – Знаешь ведь?

– Знаю, – тихо подтвердил мальчик. – В ми... – он запнулся, – в милиции.

Он не мог не заметить, что отец назвал его не Арчи, и не Артюней, как обращалась к нему мама, он назвал его полным именем. А это могло говорить только об одном – папа им недоволен.

Что-то случилось.

– Ты ведь не станешь мне врать? – вкрадчиво поинтересовался папа. – Родителям нельзя врать, я всегда учил тебя этому.

Глубокие, черные, как гудрон, глаза неотрывно смотрели на замершего ребенка, сверля его колючим взглядом.

– Я не вру, – пискнул Артур.

Подойдя к ребенку вплотную, мужчина присел на корточки, и их головы оказались на одном уровне.

– Ну, говори, – подбодрил отец. – Я ведь вижу, что ты хочешь мне о чем-то поведать.

Артур невольно опустил голову, уткнувшись взглядом в опрокинутый на бок паровозик. На мгновение ему почудилось, что тот подмигнул ему своим красным пластмассовым фонарем: «Лучше не ври папе, Артур. Сам знаешь, чем это может закончиться. Сам знаешь...»

– Я... эммм...

Он закашлялся, почти как человек, желающий получить небольшую отсрочку, чтобы лихорадочно придумать ответ на неудобный вопрос.

– Я порезал скатерть, – выдохнул Артур. Несмело поднял голову. – Мы с мамой кушали. Я взял ножик и... мама отвернулась, а я с ним игрался и нечаянно тыкнул им в скатерть. Мама меня поругала, а я сказал, что больше не бу...

Отец холодно улыбнулся, и мальчик слегка побледнел.

«Он не поверил...»

– Мама простила меня, – севшим голосом проговорил он. – И ты меня прости, папуля.

– Ох, Арчи, – нараспев произнес мужчина. – По сравнению с тем, что ты натворил, скатерть – сущая ерунда. Я даже не буду с тобой обсуждать эту несчастную тряпку. Ты понимаешь, о чем я?

Артур почувствовал, как у него задрожали коленки. Хотелось сесть, а еще лучше – лечь в кровать и укрыться с головой теплым одеялом. И больше не слышать голос папы, который был похож на острый сверкающий нож.

Рука отца тяжело опустилась на его худенькое плечико, стальные пальцы сжались, как тиски, и Артур ойкнул.

– Что у вас произошло на прогулке? Когда у вас потерялась Маша Федорова? – тихо спросил отец, не сводя пронзительных глаз с оторопевшего сына. – Ты рассказывал, что она пропала, когда вы ездили отдыхать в лес¹.

– Ра... рассказывал. – От испуга Артур начал заикаться.

– Значит, ты не все рассказал, – проворковал папа. Его голос стал приторно-сладким и мягким, как тающее желе.

– Я так и знал, что ты у меня непослушный ребенок, – сказал он, осуждающе качая головой. На его лице появилось скорбное выражение, вот, мол, полюбуйте, какой позор для семьи...

Отец сунул руку во внутренний карман кителя.

– Мне пришло письмо. Для тебя, – тихо, словно делясь сокровенным, поведал он. С этими словами отец вынул наружу мятый конверт и ловким движением вскрыл его. – Это приглашение.

– Куда? – спросил Артур, и в дрожащем голосе мальчика затрепетал лучик надежды. – На елку? К Деду Морозу?

Папа усмехнулся.

– Разве сейчас за окном Новый год? У нас в доме стоит наряженная елка? Ты что, видишь снег и сосульки?!

Паренек растерянно умолк. Между тем папа извлек из разорванного конверта блекло-серый листок, на котором был изображен цирк-шапито. С другой стороны послания красным фломастером было крупно выведено:

¹ Речь идет о событиях, описываемых в романе А. Варго «Дом в овраге» (вторая часть – «Гурман»).

АРТУРУ МАЛЫШЕВУ.

Увидев ярко раскрашенный цирковой шатер, Артур переменился в лице.

– Папа...

– Это письмо от хозяина Подземного цирка, – пояснил отец, подмигивая побледневшему мальчику. – От него ничего не утаишь.

– Папа, не надо, – торопливо заговорил Артур. В его громадных синих глазах метался страх. – Я не хочу в Подземный цирк. Я все сам скажу про Машу. Это мне Олег Тюрин рассказал! Я не виноват!

Отец мягко потянул ребенка в сторону двери.

– Одевайся, – коротко скомандовал он, и по щекам сына покатались слезы.

– Я больше не буду, – всхлипывая, захныкал он.

– Хозяин Подземного цирка не любит ждать, – сурово заметил отец, обуваясь. – Если мы опоздаем, он будет еще более строг к тебе. Запомни.

Словно в тумане, Артур машинально натянул на себя осеннюю куртку, сунул ноги в резиновые сапоги и, спотыкаясь, засеменил на улицу. Отец открыл заднюю дверь сиреновой «восьмерки», приказав:

– Жди здесь.

Размазывая слезы по лицу, Артур кивнул. Тем временем отец быстрым шагом вернулся в дом, прямо в обуви прошел к ванной и постучал в дверь.

– Мы прокатимся с Арчи, – коротко сказал он выглянувшей наружу женщине.

В ее тусклых глазах на мгновение вспыхнуло понимание происходящего, и она уже открыла было рот, но слова так и остались несказанными. Малышев уже торопливо шел к выходу.

– Папа, давай никуда не поедem, – взмолился Артур, когда отец сел за руль. Мальчик из последних сил держался, стараясь окончательно не разреветься. – Давай вместе посмотрим телевизор или поиграем. Пожалуйста!

– Олег Тюрин, про которого ты говоришь, ничего не знал о колодце, где нашли Машу, – сказал отец, глядя на сына в зеркало заднего вида. – Зато о колодце упоминал *ты*.

– Нет, – ошеломленно пискнул Артур. – Я... не говорил.

Отец медленно покачал головой.

– Хозяин цирка сидел под окнами нашего дома ночью и подслушал, как ты говорил во сне, – глухо промолвил он. – Он все слышал, так что отпираться бессмысленно. Вот так-то, Арчи.

Когда машина тронулась с места, уже смеркалось.

Артур тихо плакал, свернувшись комочком на заднем сиденье.

* * *

Спустя минут тридцать автомобиль съехал с трассы на разбитую дорогу и вскоре свернул на территорию заброшенной деревни. Когда-то здесь бушевал неистовый пожар, унесший жизни более тридцати человек, но некоторым постройкам все же удалось сохраниться. Со временем окрестности опустели, лишь изредка сюда забредали лесные звери в тщетных поисках пищи да одинокий бродяга мог остановиться на ночлег в какой-нибудь хибаре.

На самой окраине, возле одной такой обветшалой избы, остановилась «восьмерка» Сергея Малышева, оперуполномоченного милиции районного отдела города Каменска.

Он вышел из машины и сел на заднее сиденье к сыну, держа в руках черную шапочку грубой вязки.

– Сейчас за тобой придет мой помощник, – мягко произнес Малышев, и губы ребенка задрожали. В сумраке блеснули его глаза, вновь полные влаги.

– Папочка... мне страшно. Я хочу домой.

Пожа...

– Это не обсуждается, – все так же мягко, но решительно прервал сына мужчина. Он надел на голову Артура шапку таким образом, чтобы у ребенка были закрыты глаза.

Артур быстро и прерывисто дышал, словно после утомительной пробежки. Хлопнула дверь, и он остался один.

– Папа? – прошептал он, осторожно вытянув руку.

Паренька так и подмывало сорвать с себя эту дурацкую шапку, пропахшую пылью и табаком, но он боялся гнева отца. Однажды он послушался папу, решив хоть одним глазком посмотреть, куда его ведут, и папа был очень рассержен.

Нет уж.

Так и быть, он посидит в шапке и будет терпеть.

Оставалось только надеяться, что все пройдет быстро.

Хотя, положи руку на сердце, как он боялся встречи с Хозяином Подземного цирка!

Время тянулось мучительно долго, оно казалось нескончаемым, как сверкающая мишура, которую вытаскивает фокусник из своего волшебного цилиндра... Наконец щелкнул замок дверцы, и чья-то рука в прохладной перчатке взяла его за локоть, помогая выбраться из машины.

«Помощник папы», – вспомнил Артур, и его словно окатило ледяной водой. Неуклюже перебирая ногами, он засеменил рядом с незнакомцем.

Мальчик поймал себя на мысли, что помощник папы был немногословен.

Точнее, он вообще никогда не говорил. Он провожал Артура в Подземный цирк, а потом отводил его обратно, вот и вся его работа... Артур слышал лишь его хриплое дыхание и равномерный стук каблучков.

Левым плечом мальчик задел дверной проем и поморщился от боли. На мгновение холодные пальцы разжались, после чего хлопнула дверь, послышалось металлическое бряцанье. Затем его руку вновь стиснула крепкая рука, и под ногами оказались ступени.

Скрипнула очередная дверца, запахло сыростью и плесенью. Артур скривил нос. Наконец его легонько подтолкнули, и он нащупал руками большой стул. Странно, но он не двигался, ножки стула будто вросли в пол. Сильные руки подхватили, усадив мальчика на жесткое сиденье, после чего шаги начали удаляться.

– Папа, – дрогнувшим голосом позвал Артур. Он уже хотел поднять руку, чтобы задрать шапку и освободить глаза, но... вспомнил перекошенное от ярости лицо отца и не осмелился его послушаться.

Прошло еще несколько минут, и вскоре внутри стало значительно светлее – это было даже понятно с натянутой на глаза шапкой.

Сначала мальчик услышал тихое хихиканье и с надеждой подумал, что это вернулся папа.

«Конечно, это папа. Он просто решил немного проучить меня и поэтому напугал», – с облегчением подумал Артур. Однако в этом квакающем смехе, который постепенно становился все громче и громче, было что-то жуткое и ненормальное. Одновременно с хихиканьем слышался монотонный раздражающий скрип, будто кто-то остервенело тер друг о друга куски пенопласта.

– Папа? – неуверенно сказал паренек.

Смех раздался прямо над ухом. Хрюкнув, этот «кто-то» умолк и теперь просто глубоко и хрипло дышал. Артуру стало по-настоящему страшно.

– Привет, – прошелестело рядом, и чьи-то пальцы аккуратно сняли с него шапку.

Мальчик нервно моргал, пытаясь свыкнуться с непривычно ярким светом, которым было залито небольшое помещение – тесная коробка из унылого серого бетона.

– Привет, – хрипло повторил незнакомый голос, и из-за спины Артура, поскрипывая, неожиданно выкатилась детская лошадка на колесиках, на которую взгромоздилось странное горбатое существо. Оно было облачено в грязный засаленный халат с желтыми помпонами и громадные неуклюжие ботинки, которые с шорохом волочились по полу. Лысый череп обрамлен розовыми пучками волос, они беспорядочно и нелепо торчали в разные стороны, будто наэлектризованные. Существо повернуло трясущуюся голову, и мальчик едва не задохнулся от ужаса. Ухмыляясь и подмигивая, на него таращился жуткий клоун. Физиономия выкрашена в болезненно-желтый цвет, под глазами чернели глубокие круги, оскаленный рот жирно обведен чем-то блестяще-багровым. Поблескивая в свете люминесцентных ламп, эти толстые губы, казалось, были вымазаны венозной кровью. Накладной фиолетовый нос выпирал помятой картошкой, в жидких волосах запутались клочья паутины.

– Где мой папа? – прошептал Артур, обомлев от страха.

– Он снаружи, – хихикнул клоун. – В мой Подземный цирк приводят только маленьких девочек и мальчиков. Ну иногда животных. Гляди, Артур!

С этими словами странный клоун вытянул руку, крючковатый палец уткнулся в широкую клетку из стальной сетки, внутри которой сидел пушистый кролик бежевого окраса. Он вел себя смирно, лишь изредка поводил из стороны в сторону носом, словно принимаясь к незнакомым запахам.

Отталкиваясь от грязного пола своими огромными ботинками, клоун принялся неспешно нарезать круги вокруг Артура, замершего на табуретке. Противный скрип от пластмассовых колесиков лошадки, казалось, ввинчивался в ушные раковины и, прокалывая барабанные перепонки, входил в мякоть мозга. Уродливый горб на спине страшного клоуна колыхался как живой.

– Хорошо, что ты пришел вовремя, – продолжил он. Голос у клоуна был хриплым и простуженным, как у старой вороны, и Артуру приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова. – Не люблю, когда опаздывают. Ты знаешь, кто я? Не бойся, говори!

Помедлив, Артур нерешительно предположил:

– Папа сказал, что ты Хозяин Подземного цирка.

– Твой папа совершенно прав! – воскликнул клон. – А знаешь, чем я занимаюсь? Открою тебе секрет – я исправляю непослушных детей. Детей, которые совершили плохие поступки и не собираются в них раскаиваться.

После этих слов, будто выплюнутых из страшного, как кровавая дыра, рта, у Артура внутри все сжалось.

«Я соврал папе... И теперь Хозяин Подземного цирка заберет меня к себе!»

– Не наказывайте меня. Пожалуйста, – пролепетал Артур, вжавшись в стул.

– У меня необычный и удивительный цирк, – вновь заговорил клоун. – Если обычные цирки наверху, то мой – здесь. В глубоком-преглубоком подземном царстве. Я один такой. Запомни это, мальчик.

Неуклюже перебирая ногами, он продолжал с тупой сосредоточенностью толкать лошадку вокруг напуганного до смерти ребенка.

Скрип-скрип.

– И я иногда устраиваю представления плохим мальчикам и девочкам, – произнес клоун, подмигнув пареньку. – Вчера ночью я слышал, как ты просил прощения у Маши Федоровой. Она ведь была в твоей группе?

Вне себя от страха, Артур закивал головой.

– Ты разве не знаешь новость? Эту девочку нашли мертвой в колодце, – вкрадчиво ответил клоун на собственный вопрос, и перед глазами мальчика поплыли багровые круги.

«Он все знает!»

– Я внимательно слушаю тебя, – прохрипел клоун. Он остановился напротив Артура и, словно пистолет, поднял руку с наставленным на него указательным пальцем. Только сейчас мальчик обратил внимание, что руки клоуна были замотаны грязными обтрепанными бинтами. Пестревшие на них темно-зеленые пятна были похожи на плесень.

– Я... я не виноват, – сквозь слезы проговорил Артур.

Клоун приблизился к нему вплотную, огромный кошмарный рот стал еще больше, разъехавшись в стороны, как глубокий разрез.

– Если ты будешь врать *здесь*, я тебя накажу, – предупредил он, грозя пальцем. Бинт на нем размотался и свисал замусоленной паклей.

– Машу дразнили, – с усилием произнес паренек. – Олег Тюрин... Аня Хотина... Там еще была Лариса и Гера... Мы... мы поехали отдыхать. В лес. Там были наши воспитатели. Мы побежали играть, и кто-то кинул в Машу камень. Она испугалась. Потом кто-то еще бросил камень.

– И это, конечно же, был не ты? – прищурившись, спросил клоун. – Ты не бросал в Машу камни?

Артур замотал головой.

– Честно, не я. Я просто... побежал со всеми. Мне было ее жалко, правда! Потом пошел дождь. Маша куда-то пропала. Мы чуть не заблудились... а потом нашли полянку. Там была дырка в земле... Яма. Старая яма.

– Колодец? – уточнил клоун.

– На... наверное.

Артур опустил голову, вытирая мокрые от слез глаза.

– Кто-то видел, что Маша упала в этот колодец? – звенящим шепотом спросил клоун. – Только не ври!

– Я видел, – с трудом выдавил Артур, избегая смотреть в круглые полубезумные глаза существа.

– И никому не сказал, да? – понятиливо ухмыльнулся клоун. – Ну, говори!

Его глаза мерцали каким-то неизъяснимо злобным весельем, и Артур, не выдержав, разревелся.

– Я испугался, – сквозь слезы всхлипывал он. – Я не думал... не думал, что так получится...

– Она тебе нравилась, Артур? – неожиданно спросил клоун, возобновив круги вокруг мальчика. – Нравилась?

Глотая слезы, Артур затравленно смотрел на Хозяина Подземного цирка.

– Девочкам нравятся мальчики. А мальчикам – девочки. Разве ты еще не знаешь? – жарко шептал клоун. – Разве ты не хотел посмотреть на ее писю? Она ведь не такая, как у тебя, Артур. Она теплая и влажная. У девочек и мальчиков есть отличия.

Несмотря на абсурд и дикость происходящего, щеки паренька залила краска, и он потупил взор. Клоун кивнул, многозначительно облизнув свои густо накрашенные губы.

– Я догадываюсь, что наверняка хотел... Ну что ж, во всяком случае, ты рассказал мне правду. Так ведь? Ты больше ничего не утаил?

Забинтованные пальцы с неожиданной ловкостью метнулись к нему, больно ухватив за щеку. Артур, едва было успокоившийся к тому времени, вновь заплакал. Казалось, кожу на щеке сдавливали плоскогубцами – так было больно. Разлохмаченные концы бинтов пахли прелыми листьями и лекарствами.

– Ладно, – смягчился клоун. – Ты рассказал мне свою историю, теперь моя очередь. Але-оп!

Развернувшись, он направил свою обшарпанную лошадку в сторону клетки с кроликом.

Скрип-скрип-скрип.

– Гоп-ля-ля!

Хрипло хихикая, клоун поднял клетку в воздух, легонько покачивая ее, словно маятник. Кролик нервно заерзал, тычась носом в прутья клетки.

– Сейчас мы послушаем, – пропыхтел клоун, приближаясь к остолбеневшему мальчику. – Сейчас... очень интересную историю...

Он распахнул клетку, чтобы извлечь кролика наружу. Тот пытался упираться, вяло елозя задними лапами, но клоун бесцеремонно вытащил животное наружу и усадил на колени, поглаживая его обвислые уши.

– Однажды, в одном прекрасном лесу жила семья кроликов, – начал клоун. – Папа-Кролик, мама-Крольчиха и десять деток – пять мальчиков и пять девочек крольчат. Этот вот, который перед тобой, был одним из мальчиков. Как-то раз, в один чудесный солнечный день, когда папа-Кролик был на работе, а мама-Крольчиха занималась по хозяйству, рядом с их домиком опустилась уставшая Птичка. У нее было вывихнуто крылышко.

«Беда!» – закричала она из последних сил. – Большие злые волки бегут на опушку леса! Гадкая Ворона рассказала им, что там работают ваши папы-кролики!»

Мама-Крольчиха испугалась. Что же делать?

«Я хотела их предупредить, но Ворона сбила меня в воздухе, и я больше не могу лететь! Нужно как-то сообщить вашим папам!» – продолжала верещать Птичка.

Из других норок повылазили остальные мамы-крольчихи.

«Если мы пошлем наших сыновей предупредить отцов, они могут попасться на глаза волкам!» – воскликнула одна из них.

Тогда мама-Крольчиха сказала:

«Это верно. Но за ручьем неподалеку живет Медведь, мы дружим с ним. Если кто-то из наших сыновей попросит о помощи, он защитит наших мужей!»

Клоун хитро посмотрел на Артура.

– Как ты понимаешь, самым старшим и самым быстрым мальчиком-крольчонок, которого можно было послать за помощью к Медведю, оказался вот этот.

Он ткнул забинтованным пальцем в кролика, который к тому времени успокоился и, очевидно, едва ли догадывался, что речь идет о нем. Клоун продолжил:

«Беги и попроси Медведя о помощи!» – велела мама-Крольчиха своему сыну.

«Но почему это не могут сделать птицы?!» – захныкал Крольчонок. – *Пусть они предупреждают!»*

«Потому что птицы высоко в небе, и у нас нет времени искать их!» – закричала мама-Крольчиха. – *Беги прямо сейчас, потому что Медведь часто уходит далеко в лес! Ты можешь не застать его дома!»*

Вздыхнув, Крольчонок нехотя поплелся в чашу.

Ему в спину кричали:

«Быстрее, быстрее!»

«Как вы мне надоели!» – раздраженно подумал про себя Крольчонок. – *Подумаешь, волки куда-то бегут! Может, у них совсем другие дела?! А все поверили какой-то болтливой Птичке!»*

Он шел по тропинке и вскоре увидел ручей. Возле воды играли кролики из других семей – они купались, делали кораблики, бросали камушки в воду, в общем, веселились вовсю. Увидев это, Крольчонок мгновенно позабыл обо всем на свете и стал играть с ними. Прошло какое-то время, и наступил обед. Все разошлись, и тут Крольчонок вспомнил, куда и зачем его отправили. Вздыхнув, он продолжил путь и наконец пришел к дому Медведя. Однако в берлоге никого не было. Ну и как быть? Крольчонок потоптался немного и отправился обратно.

Все мамы-крольчихи и их дети давно изнервничались и были очень напуганы. Они уже начали думать, что с Крольчонком что-то случилось.

«Ну что?! – закричала мама-Крольчиха. – Что сказал Медведь?! Он поможет нашим папам?!»

Крольчонок понял, что сейчас ему влетит за то, что он вовремя не пришел к Медведю.

«Я попросил его защитить наших пап, и он согласился», – соврал он. Все облегченно вздохнули и стали ждать, когда их мужья и папы вернутся домой.

Однако наступил вечер, но никто не возвращался. Только когда начало темнеть, на полянку вышел Медведь с бочонком меда. Крольчонок увидел его и спрятался в норку – он понял, что сейчас его вранье всплывет наружу и ему влетит.

«Здравствуй, Миша! – встретили его мамы-крольчихи. – Где же наши мужья? Ты защитил их от волков?»

Медведь был удивлен.

«Я никого ни от кого не защищал. Я собирал мед и решил угостить вас. Вот вам бочонок от меня», – сказал он. Маме-Крольчихе стало плохо.

Клоун замолчал. Склонив голову, он пристально смотрел на замершего мальчика.

– Знаешь, что произошло дальше? – тихо спросил он. – Волки разорвали всех пап-кроликов в клочья. Вместе с шерстью и косточками. Даже хоронить было нечего. Они их сожрали, как тарелку макарон. Все, что напоминало о кроликах, – красная от крови трава. После этого мама-Крольчиха сильно заболела. Она долго и горько плакала, но уже ничего не поделаешь. Ее сын оказался лгуном, трусом и предателем.

С Крольчонком, который всех обманул, никто не дружил, от него все отвернулись. Его продолжала любить только мама-Крольчиха. Она простила его, хотя это было и нелегко. Но ее болезнь оказалась очень серьезной. Мама-Крольчиха чахла и увядала с каждым днем и в конце концов умерла. Ее детки остались сиротками, и их разобрали другие семьи. Всех, кроме этого. Никто не хотел брать обманщика и предателя. *Этого* брать не захотел никто.

Клоун нежно погладил пушистого «предателя» своими корявыми пальцами, с которых свисали лохмотья бинтов.

– Никто, – шепотом повторил он.

Медленным движением он вынул из своих засаленных штанов скомканную матерчатую сумку.

– Хочешь его погладить? – вдруг спросил клоун, но Артур испуганно замотал головой.

– Почему? – удивился клоун. – Вы же коллеги. Товарищи по несчастью, хе-хе...

Ему неудобно было расправлять пакет с кроликом на колене, и он осторожно опустил животное на пол.

– Как бы ты наказал его, Артур? – вкрадчиво спросил клоун. – Ты же понимаешь, что этот кролик заслужил наказание. Собственно, как и ты. Отвечай.

– Я...

Артур переводил испуганный взгляд с ничего не подозревающего кролика на ухмыляющегося клоуна, который аккуратно и неторопливо расправлял сумку.

– Я бы надавал ему по попе, – промямлил мальчик.

Клоун удовлетворенно кивнул.

– Что ж, гуманно, но это твое решение. Ответ принят. А теперь я решу, кого из вас наказать. Сегодня у меня хорошее настроение, и наказан будет только кто-то один. Если это будет кролик, ты вернешься к папе. А если нет...

Глаза клоуна расширились, уголки рта заблестели от слюны.

– Тогда я займусь тобой, Артур Малышев, – прошипел он, наклонившись к побелевшему от ужаса ребенку. – И ты запомнишь этот урок навсегда!

С этими словами клоун принялся не спеша читать считалочку, переводя скрюченный палец с Артура на кролика. Животное, словно поняв, что дело принимает серьезный оборот, замерло, уставившись на клоуна своими черными блестящими глазами-пуговками.

– *Тили-тили, тили-бом,*

Сбил сосну зайчишка лбом, – зловеще зашептал клоун.

– *Жалко мне зайчишку...*

Ходит зайка с шишкой...

Поскорее, Арчи, в лес,

Сделай зайчику компресс!

Палец в грязном бинте застыл на кролике.

Боясь шелохнуться, Артур сидел, словно приклеенный к стулу.

«Кто будет наказан? Я или кролик?» – лихорадочно билось в его голове.

Словно читая его мысли, клоун хихикнул:

– Тебе повезло, Артур.

До кролика, вероятно, все же дошло, что шутки закончились, и он, вздрогнув, засеменил куда-то в сторону. Однако клоун оказался проворнее и, нагнувшись, ловко схватил беглеца за уши. Кролик закричал, выражая недовольство подобным обращением, но клоун уже засовывал трепыхавшийся пушистый комок в сумку.

«Он сейчас его подержит в сумке и выпустит», – с облегчением подумал Артур, глядя, как клоун торопливо запихивает уши животного внутрь.

– Вот он и в домике. В *специальном* домике, – поправил клоун, завязывая двойным узлом петли ручек между собой. Подмигнув Артуру, он слез с лошадки и шагнул к стене.

– Запомни, Артур, – промурлыкал он и, к ужасу мальчика, с силой впечатал кролика в шершавую стенку подвала. Послышался глухой стук, в сумке тихо пискнуло.

– Запомни! – повысил голос клоун. – Никогда ничего не скрывай от отца! Фокус-покус!

Подняв с пола бесформенный шевелящийся мешок, он вновь швырнул его в стену. Потом еще раз.

– Никогда. Ничего. От него. НЕ СКРЫВАЙ! – провизжал клоун, брызгая слюной. Тяжело дыша, он посмотрел на валяющийся под ногами матерчатый гроб с несчастным кроликом. Сумка больше не вздрагивала.

– Ты можешь обманывать своих дружков! – зарычал клоун, грузно прыгнув на сумку. Раздался отчетливый хруст. – Но не отца!

Задышавшись от страха, Артур закрыл лицо руками. Глотка мгновенно пересохла, сердце колотилось в бешеном аллюре. Ему хотелось только одного – заснуть и проснуться у себя дома, в своей любимой теплой кровати...

– Смотри сюда! – рявкнул клоун. – Смотри, или я тоже засуну тебя в мешок! Думаешь, у меня не найдется для тебя подходящего размера?!

Жалобно всхлипывая, Артур убрал от лица дрожащие пальцы. Из глаз струились ручейки слез. Это был не сон. И он не у себя в кровати, он в какой-то плохо пахнущей тесной комнате, вместе с этим страшным клоуном, который сейчас убивал бедного кролика...

Наконец, брезгливо фыркнув, клоун поднял в воздух покачивающийся мешок. Странно вытянутый и расплюснутый, он весь потемнел от крови. Между связанных ручек наружу вылезли клочья шерсти и что-то розовое.

– Теперь он на специальном кроличьем небе, – вдруг совершенно спокойно произнес клоун. – Слышал о таком небе, Артур? Этот кролик искупил свою вину, и теперь он в раю, на небесах.

Его взгляд упал на брючки ребенка, между ног влажнело расплывающееся пятно.

– Фу, как некультурно, – поморщился клоун. – Твоей маме придется стирать твои обделанные брюки. Разве настоящие мужчины так себя ведут?

Он швырнул сумку с раздавленным животным куда-то за спину, не глядя, после чего сел на корточки перед побелевшим от страха мальчиком.

– Никогда не лги своим родителям. О том, что случилось с Машей, ты должен был сказать папе. Даже маме необязательно, понимаешь? Папа – главный в семье...

– Я... хочу домо-о-ой... – разревелся Артур.

– В этой жизни кто-то рыбка, а кто-то рыбак, – продолжал клоун проникновенным голосом. Он вытер руки о свои парусиновые штаны. – Понимаешь? Кто-то охотник, а кто-то кролик. Вы оказались охотниками, а эта Маша – кроликом. Ангела-хранителя этой Маши не оказалось поблизости. Так что она закончила так, как и должен был закончить кролик, за которым гонятся волки. А что бы сделал ты, Артур? Если бы на месте Маши был ты?

Но Артур, охваченный животным ужасом, уже выпал из реальности, и вопросы клоуна плавно обходили стороной его ошалелое от страха сознание, как облака, которые гонит ветер. У него началась истерика, и мальчик вообще утратил способность соображать. Впрочем, клоун не обращал на это никакого внимания и вел себя так, будто ничего особенного не произошло.

– Я тебе скажу, что надо было делать, окажись ты на ее месте, – самодовольно заявил он. – Ты должен был взять палку или камень и обороняться. Даже если их пять, десять человек. До крови. Выбей кому-нибудь глаз, и они все разбегутся! А сломается палка – бей кулаком. Ногой. Рви зубами, ногтями! Понял?

– До... домо... домой... К ма... – заикаясь, всхлипывал Артур. Сопли мешались со слезами, образуя на бледном лице липкую слизь.

Клоун скосил глаза на съехавший накладной нос и аккуратно подвинул его на место.

– Наше Представление на сегодня закончено, Артур, – тихо сказал он. – Но я хочу, чтобы ты запомнил еще кое-что. Твой папа очень хороший и добрый человек. Но если ты будешь хулиганить, он станет привозить тебя ко мне. А я отныне буду следить за тобой. Помни, когда решишь сделать что-то не так. Я могу оказаться где угодно. У тебя под кроватью. В шкафу... На балконе, среди картонных коробок... Под столом, когда ты ужинаешь... И если ты будешь совершать плохие поступки, я заберу тебя в мой Подземный цирк навсегда. Понял?

Он внимательно смотрел на мальчика.

– По... нял, – чуть слышно прошептал Артур. Его мутило, где-то внизу, разрастаясь, поднимался вязкий и плотный ком, и пареньку казалось, что еще чуть-чуть, и его стошнит.

– Ладно, мне пора, – широко улыбнулся клоун. – Думаешь, ты у меня один такой? На свете много непослушных детей! И за каждым нужно следить! На сегодняшнюю ночь я выслал приглашения еще двум мальчикам и одной девочке... и я должен успеть...

Он закудаhtал от смеха, грузно усаживаясь на лошадку.

– Папин помощник отведет тебя наружу, – сказал он напоследок. – Пока, мой маленький друг. Наверное, когда-нибудь мы еще увидимся. Будь готов к этой встрече. А теперь...

Клоун молниеносно нацепил на голову Артура уже знакомую вязаную шапочку и хихикнул.

– Сиди тихо, – шепотом приказал он. – И не вздумай трогать шапку. Твой папа сам снимет ее.

Сразу после этого послышалось удаляющееся поскрипывание колесиков.

Скрип-скрип.

Скрип-скрип.

Скрип.

Он с трудом помнил, как чьи-то сильные руки (папин помощник?!) осторожно сняли его со стула, мокрого от мочи.

Он едва соображал, когда его не спеша повели куда-то. По дороге левая нога Артура наступила на что-то податливо-мягкое, и лишь спустя несколько мгновений в мозгу вяло шевельнулось: «Кролик».

Да, бедный кролик. Сейчас он, наверное, на небе... На кроличьем небе.

Скрипнула дверь, и ноздри мальчика уловили свежий воздух, наполненный вечерней прохладой.

– Папа? – робко шепнул Артур, но ему не ответили, продолжая куда-то вести.

Наконец щелкнул замок открываемой дверцы, и его чуть ли не силой впихнули в салон автомобиля.

Однако, даже оказавшись в папиной машине, Артур продолжал покорно сидеть, не осмеливаясь даже прикоснуться к шапке.

Если он это сделает, папа его накажет.

«Твой папа – очень хороший и добрый...» – вспомнил он слова клоуна, и по спине прошла ледяная дрожь.

Папа очень долго не шел, и мальчик почувствовал, как клейкие щупальца паники вновь опутывают его с ног до головы.

Где папа?! Вдруг этот гадкий и страшный клоун что-то сделал с ним?! А он, как глупый, сидит в машине в этой дурацкой шапке?!

«А может, твой папа просто забыл о тебе?» – прошелестел в голове чей-то чужой и неприятный голос, и Артур едва сдержался, чтобы не закричать.

И когда терпеть стало уже совсем невозможно и его рука потянулась к шапке, он услышал, как резко хлопнула дверь.

– Папа! – тихо позвал мальчик.

– Я здесь, – отозвался отец.

Ненавистная шапка поползла вверх, и с губ Артура сорвался вздох облегчения. Наклонившись к сиденью, за которым находился отец, он вцепился в его крепкие плечи.

– Папа... пожалуйста...

– Арчи, отпусти.

– Папуля...

Жгучие слезы снова закапали из глаз.

– Папочка, он у... он убил кро... кролика!.. – заикаясь, проговорил он.

– Сядь на место.

Голос у отца был усталым и каким-то бесцветным. Будто он что-то невнятно бормотал во сне.

Он завел машину.

– Папа, не привози меня больше сюда, – выдавил Артур. Он проводил затравленным взглядом покосившуюся избу, и его передернуло. Из разбитых окон дома веяло смертью.

– Надеюсь, ты понимаешь, что никому не должен говорить о том, что здесь произошло? – осведомился отец. – Даже маме. Никто не должен знать о Подземном цирке. Иначе Хозяин цирка заберет твою маму, и мы больше никогда ее не увидим. А потом он заберет меня, и ты останешься один. И каждую ночь Хозяин Подземного цирка будет приходить к тебе домой. Тебе не спрятаться от него.

– Папочка, я больше ни...

– Я не закончил, – холодно оборвал мужчину сына. – Он будет следить за тобой, чтобы ни один твой плохой поступок не остался незамеченным. И он будет присылать мне письма, если что-то узнает. Понял? Заруби себе это на носу.

«Восьмерка», подсакивая на ухабах разбитой дороги, наконец выкарабкалась на холодную трассу, и отец утопил педаль акселератора в пол.

– Да, кстати. На, – сказал он и, зашуршав чем-то на переднем сиденье, передал Артуру сверток в прозрачном полиэтиленовом пакете.

Паренек молча развернул его. Тускло блеснула глянцевая упаковка игрушечного джипа.

– Нравится? – спросил папа.

Артур глянул в зеркало заднего обзора, встретившись с его глубокими черными глазами.

– Да, – выдавил он. – У меня такого никогда не было.

– Ты, конечно, не заслужил подарка. Но я давно обещал тебе джип. Помнишь? Папа свои обещания выполняет.

– Спасибо, – едва слышно сказал Артур.

Он машинально гладил глянцевую поверхность блистера, в который была упакована машинка, но мыслями мальчик все еще был там, внизу, на мокром стуле. Перед глазами с поразительной четкостью продолжала вновь и вновь прокручиваться душераздирающая сцена гибели кролика.

Бедный кролик.

«Бедная Маша. Бедный я», – думал Артур, безразлично вертя в руках папин подарок.

Он проснулся глубокой ночью, судорожно хватая ртом душный воздух.

Мальчику привиделся кошмар. Будто он снова попал в подвал к клоуну, и он посадил его совершенно голого в большую клетку. Вооружившись шампурами, клоун начал протыкать его тело, отчего Артур стал похож на дикобраза. Он кричал и плакал от боли, а клоун только злобно хихикал.

Но страшно было не это.

Глаза.

Глаза клоуна.

Они были точно такими же, как у папы.

Часть I

*Всегда есть выход.
Например, из мясорубки, их там даже несколько...*
Черный юмор

**Спустя 14 лет
Алтайский край, г. Каменск
14 июня 2006 г.**

Темно-серый «Форд Фокус», миновав шлагбаум, аккуратно припарковался на одном из свободных мест полупустой стоянки УВД. Из салона автомобиля вышел невысокий, крепко сбитый мужчина лет сорока пяти. На нем были легкие замшевые мокасины, светлые джинсы и плотно облегающая футболка с треугольным вырезом. На жилистой загорелой шее поблескивала тоненькая золотая цепочка.

Сняв солнцезащитные очки, мужчина быстро поднялся по ступенькам на крыльцо и, кивнув дежурившему у входа сержанту со сбитой набекрень фуражке, скользнул внутрь районного управления внутренних дел.

Оказавшись на втором этаже, он подошел к кабинету, матово-бежевая рамка которого извещала словно между прочим:

*«Начальник уголовного розыска УВД
г. Каменска
Мальшиев Сергей Александрович»*

Звения ключами, мужчина открыл дверь и вошел внутрь. Несколько секунд он стоял неподвижно, медленно обводя взглядом помещение. Сверкающий глянец чистый стол, монитор без единой ворсинки пыли на экране, массивный сейф темно-коричневого цвета с приклеенной открыткой издевательского толка: «Отсутствие у вас судимости – не ваша заслуга, а наш недостаток!», недавно отштукатуренная и покрашенная стена, сплошь увешанная почетными грамотами и благодарностями от высших лиц МВД... Наконец среди поздравительных документов взгляд вошедшего остановился на неказистой с виду фотографии. Шагнув вперед, мужчина провел пальцем по гладкой поверхности рамки.

– Двадцать четыре года как корова языком слизнула, – пробормотал он. – Проклятый Афган. Проклятый и любимый Афган.

На фото был изображен он, в пыльной униформе цвета хаки и выгоревшей кепке. В руках автомат «АКС» со складывающимся металлическим прикладом – стандартное оружие ВДВ советских времен. На пояском ремне штык-нож и подсумок с «магазинами». Дочерна загорелое, высушенное и отшлифованное злыми ветрами и палящим солнцем лицо, которое, казалось, вырублено из старого дуба. Лишь по глазам, колючим и темным, как безлунная ночь, можно было узнать его нынешнего спустя столько лет.

Мальшиев оторвал взгляд от фотографии и подошел к столу. Ни одного лишнего клочка бумаги, ни валяющейся ручки-карандаша, ни одного липкого пятнышка от чая или кофе... У него всегда царил безупречный порядок на рабочем месте, и той же самой аккуратности он жестко требовал от своих подчиненных. Он двинулся к подоконнику. Заботливо полил каждый цветок, поправил занавески, после чего плотно закрыл форточку.

В дверь постучали.

– Открыто, – громко сказал Сергей, не оборачиваясь, и в кабинет вошел молодой человек. Он, как и начальник угрозыска, был облачен в гражданскую одежду.

– Здравия желаю, Сергей Александрович, – проговорил он, протягивая руку мужчине.

– Привет, Витя.

– Не знал, что вы на месте. А тут по коридору иду – ваша дверь приоткрыта... Вы вроде как в отпуск собирались? – спросил Виктор.

– Все верно, еще три законных недели отгулять осталось, – улыбнулся Малышев. – Мимо ехал, решил на минутку забежать... Но ты всегда звони, хоть ночью. Сам знаешь, какая у нас служба. Не мне вам рассказывать об этом, младший лейтенант Боков.

– Конечно, – кивнул молодой опер. – Будем стараться.

– Как сестренка?

На губах Виктора появилась улыбка.

– Спасибо, Сергей Александрович. Сессию нормально закончила. На море собирается.

– Море – это хорошо, – несколько отстраненно произнес Сергей, словно его мысли были заняты чем-то другим. – В Долине Гномов не были еще?

Виктор с готовностью кивнул.

– Я-то там неоднократно бывал, еще до армии. А Вика, насколько мне известно, все только собирается.

– Не пожалей времени, скатайтесь как-нибудь всей семьей, – посоветовал Малышев.

– Обязательно, – пообещал Виктор. – Как ваш Артур?

– Все путем. Ну бывай, Витя, я всего на минуту заскочил.

Они пожали друг другу руки, и опер покинул кабинет.

Малышев несколько секунд прислушивался к удалявшимся шагам, затем приблизился к сейфу и, открыв его, достал наплечную кобуру с пистолетом. Проверив обойму, милиционер с сухим щелчком загнал «магазин» в рукоять пистолета, после чего убрал его в заранее приготовленный пакет.

Выйдя из кабинета, он закрыл дверь и сунул ключ в скважину.

– О, какие люди! – пробасил кто-то за спиной.

Сергей обернулся, увидев перед собой грузного подполковника с круглым покрасневшим лицом и влажной от пота лысиной.

– Рад вас видеть, Семен Васильевич, – вежливо поздоровался Малышев, и тот рассмеялся:

– Ну да, ядрен-батон, так я тебе и поверю... Чтобы во время отпуска подчиненный был рад видеть своего начальника? Да ладно-ладно, шучу... К тебе нареканий нет. Зайдешь на минуту? Я не займу много времени.

Мгновение помедлив, Сергей кивнул, и они зашагали по безлюдному коридору.

– Вот что значит пятница, – ворчал Семен Васильевич, вытирая лысину носовым платком. – Ни хрена никого нет, разбежались все... Хотя журнал заводи, где отмечать время прихода и ухода...

– Во многих коммерческих структурах такая система давно действует, – заметил Малышев. – Соответственно, зарплата формируется в зависимости от количества часов нахождения на работе.

Они вошли в просторный кабинет начальника ОВД.

Подполковник снял с себя китель и, плюхнувшись в громадное кожаное кресло, щелкнул замусоленным пультом. Мерно загудел кондиционер, охлаждая душный воздух.

– Как я уже сказал, к тебе претензий нет, – повторил Семен Васильевич, пододвинув к себе темно-красную папку. – И у нас в районе, тьфу-тьфу, ситуация нормальная. Но... ты ведь в курсе, что в Калиновке парня сварили? На заброшенной скотобойне. Совсем мальчишка, девятнадцать лет всего.

Сергей кивнул. Он сидел в расслабленной позе, накрыв одну руку другой, и спокойно смотрел на начальника.

– Пока зацепок нет, – продолжил подполковник. Он озабоченно пожевал губами. – Мне, правда, передали, что местные следаки хотят дело представить как несчастный случай. Кому охота признавать, что это дело рук какого-нибудь психопата?! Мол, парнишка в сталкера играл, ну и случайно в котел свалился...

– Извините, Семен Васильевич, не получится, – мягко перебил начальника Сергей. – В котле, где варили тело потерпевшего, найдены обрывки кожаных ремней. На теле парня зафиксированы побои, а значит, он сопротивлялся. И потом. У мальчишки сварены только ноги, причем основательно. Так, что от костей отслоилась плоть. Над котлом балка с обрывком ремня. Вывод напрашивается сам – его просто окунали в кипяток, как сосиску на веревочке.

Подполковник машинально провел платком по лысине.

– Про ремни мне не докладывали, – резковато сказал он, но Малышев только пожал плечами:

– Семен Васильевич, я сам только узнал. Скажем так, оперативные источники. Поэтому замять дело не удастся.

– Твою мать.

Начальник ОВД вздохнул и добавил:

– Наше счастье, что все случилось не у нас в районе. Какие мысли, Сережа?

Лицо Малышева оставалось непроницаемым.

– Я не видел всех материалов, и меня не было на месте происшествия. Здесь возможны любые версии, от мести до маньяка.

– Нет, – быстро сказал Семен Васильевич. Казалось, предположение о психопате, появившемся в их краях, встревожило его не на шутку. – Никогда в Каменске не было сбрендивших психов, готовых варить людей заживо. Не было и, надеюсь, не будет. Будем считать, что это какой-то залетный...

– Вполне вероятно, – не стал спорить Малышев. Помолчав, он произнес: – Собственно, чего вы так переживаете? Тем более если «злодей» залетный. И преступление совершено на территории Калиновки. Вот пусть их опера и покажут, как умеют землю рыть.

– Так-то оно так, ядрен-батон, – прокряхтел подполковник. – И все же... Наш город по уровню криминала был самым спокойным местом в крае.

– Всегда все бывает в первый раз. А что?

Видимо, слова подчиненного слегка задел подполковника, и он, сверкнув глазами, пылко сказал:

– Да, Малышев, ты меня знаешь как зануду и старого, прожженного циника. Да что я, ты сам прошел Афган! Ты знаешь, что такое – тащить на себе умирающего товарища в горах, где от жары воздух трещит! Но ведь есть же места в мире, где преступности нет вообще? Конечно, я не имею в виду какие-нибудь племена в джунглях, где живут коммунами... хотя и там свои разборки наверняка имеются. Но все же?

Сергей покачал головой:

– Таких мест нет. Впрочем... Не знаю, как в других городах, но, может, когда-нибудь у нас будет даже тише, чем в Валахии, – сказал он с усмешкой.

– Какой-такой Валахии, ядрен-батон? – не понял подполковник.

– Про Дракулу слышали, Василий Семенович?

– Это который вампир? Кровищу пил из потерпевших? Ну-ка, поведай. Люблю, знаешь ли, старинный фольклор.

Малышев улыбнулся краем рта.

– В XV веке в Румынии жил некий Влад Цепеш, он и стал прообразом Дракулы. Так вот, посреди города стоял чудесный фонтан с золотой чашей. Кто хотел напиться, подходил и черпал воду этой чашей. Но никому и в голову не приходила мысль эту чашу украсть. Потому что за этим следовала суровая и неотвратимая кара. Так вот. У одного купца как-то украли

кошелек, и он пожаловался Владу. Вора нашли, посадили на кол, а купцу вернули кошелек, положив туда еще одну монету сверху. Тот сказал об этом, и Влад засмеялся, мол, хорошо, что честным оказался, а если бы смолчал и утаил, то посадил бы на соседний кол...

Подполковник разгладил скомканный платок, затем сложил его вчетверо и вытер мясистое лицо.

– Ну умеешь ты поднять настроение, Малышев.

Сергей перестал улыбаться.

– Это всего лишь фольклор.

– Ладно... Я тебя больше не задерживаю. А то смотри, хочешь, дерябнем по пять капель...

Он подмигнул, но выражение лица Малышева оставалось вежливо-бесстрастным.

– Василий Семенович, благодарю, но... извините. Спешу. Да и не пью я. Хватит, отпил свое.

Подполковник вздохнул, снова посерьезнев:

– Ну хорошо. Я вот что, Сереж... Тут на днях из Черкасово сводки передали, у них две недели назад пожилая женщина исчезла, Арсеньева. Между прочим, у нас в городе учительницей географии сорок лет проработала. А в Гладьевске до сих пор не могут рыбака отыскать, хотя все озеро облазили. Давно столько «потеряшек» не было. Прямо напасть какая-то в последний месяц. Ладно, беги.

Начальник ОВД сунул потемневший от пота платок обратно в карман.

– Ты только будь на связи, Сергей. Сам знаешь... А про своего вампира и золотые чашки потом расскажешь.

Они попрощались, и Малышев быстро покинул кабинет.

* * *

«Форд Фокус» стремительно мчался по нагретой за день трассе.

Сварили в кипятке...

Начальник уголовного розыска снова и снова прокручивал в мозгу эту фразу. Кому и зачем нужно было таким способом расправляться с мальчишкой?!

«Будем считать, что это какой-то залетный...» – вспомнил он слова подполковника.

– За-лет-ный...

Малышев проговорил это слово медленно, с расстановкой и даже как-то осторожно, словно пробуя его на вкус.

«Кажется, я догадываюсь, кто это шалит», – подумал он, и на невозмутимом лице мужчины заиграла безжалостная улыбка.

Краем глаза следя за дорогой, милиционер извлек из кармана мобильник и, выбрав абонента, нажал вызов. Трубку взяли не сразу.

– Привет, Арчи, – заговорил Сергей, когда наконец услышал голос сына.

– Привет, – раздался осторожный голос.

– Что нового? Чем занимаешься?

На другом конце провода завопили, словно юноша перекладывал телефон к другому уху.

– Ты там что, уснул? – поинтересовался Малышев.

– Нет. Я на кухне.

– Чего ты там забыл? – продолжал допытываться мужчина. – Время обеда давно прошло. В трубке кашлянули.

– Спагетти готовлю, – выдавил Артур.

– Мама спит?

– Да.

Сергей поморщился. Его собственный сын разговаривал с ним так, как задержанные во время допроса.

«Это неудивительно», – шепнул внутренний голос.

– Когда она проснется, спроси, что ей нужно, – велел он. – Ты должен заботиться о ней. Понял?

– Хорошо. Ты... гм...

– Не мычи. Или ты уже макароны жуешь? – спросил Малышев.

– Ты во сколько приедешь? – задал вопрос Артур.

– Около девяти. Может, чуть позже. В общем, я на связи.

– Хорошо, – снова сказал юноша.

Сергей, не попрощавшись, скинул разговор, бросив телефон на пассажирское сиденье.

«Ты во сколько приедешь?»

Слова сына всколыхнулись в памяти, будто водоросли на дне мутного пруда.

Что это? Забота о родителях? Или дежурная вежливость?

– А ты растешь, мальчик, – тихо проговорил Малышев, вновь сосредоточив внимание на дороге. – И растешь довольно быстро...

Предстояло сделать еще один звонок, и он снова потянулся к сотовому. Как только его пальцы коснулись корпуса телефона, за спиной внезапно раздался оглушающе-резкий вой клаксона. Глаза мужчины метнулись к зеркалу заднего вида.

К его «Форду» стремительно приближался «Лендровер», отливающий багрово-сочным «металликом». Лучи клонившегося к горизонту солнца искрились в темно-красном мареве внедорожника, напоминая пузырящуюся кровь.

Водитель снова посигналил, и массивная иномарка чуть ли не вплотную прижалась к машине Сергея.

– Куда вы спешите, ребята? – задумчиво произнес он, продолжая держаться выбранной скорости. В зеркало ему было видно ухмыляющееся лицо водителя. Пассажир внедорожника на переднем сиденье скорчил физиономию и сделал недвусмысленный жест рукой, словно засовывая в рот толстую сардельку.

– Ага. Это очень смешно, – краем рта улыбнулся Малышев. – А теперь объезжайте меня, малыши. И не вздумайте выкинуть какой-нибудь фокус.

Словно услышав этот недвусмысленный посыл, четырехколесный монстр английского происхождения, взвизгнув покрышками, пошел на резкий обгон. Стала слышна музыка, точнее, закладывающая уши однообразная электронная долбежка, весьма условно претендующая называться музыкой. Малышев в какой-то момент был готов поверить, что по уровню децибел кроссовер мог вполне успешно конкурировать с взлетающим самолетом.

Похоже, автомобиль от этого рвущегося из динамиков раздражающего грохота едва ли не подпрыгивал на месте.

В то мгновение, когда внедорожник поравнялся с автомобилем Малышева, крупный парень, секунду назад имитирующий сексуально-глотательные движения, сально подмигнул Сергею. Несмотря на это и иступленно-разрывную долбежку из салона внедорожника, лицо милиционера оставалось бесстрастным.

«Лендровер» рванул вперед и выехал на встречную полосу. Опасно повиляв на шоссе, автомобиль, словно нехотя, вернулся на свою полосу. Стоп-сигналы внедорожника моргнули рубиновыми глазищами, и лишь в последнее мгновение Малышев успел нажать на педаль тормоза. Надсадно взвизгнули шины, оставляя на теплом асфальте черные полосы, дымящиеся горелой резиной.

– Копать-хоронить... Парни, да вы что? – пробормотал он. – На тот свет охота взглянуть? Так оттуда не возвращаются. Это вам не компьютерные стрелялки, где можно сохраняться на каждом уровне...

Он нажал на клаксон.

Из открытого окна «Лендровера» высунулась оголенная женская рука. Выставленный вверх изящный средний пальчик (даже отсюда Малышев мог видеть синий лак на ноготках девушки) был красноречивей любых слов.

Взгляд Сергея уткнулся в номера удаляющегося автомобиля.

– Так вы в гости, – хмыкнул Сергей. – Из Кемерово, что ли?

Казалось, происходящее начало забавлять его.

Плотно сжав губы, он вжал педаль газа в пол, и «Форд», встрепенувшись, с ревом понесся следом.

«Только спокойно».

Он почувствовал, как по правому виску медленно поползла струйка горячего пота.

– Я ничего не сделаю, – вслух прошептал Сергей. – Ничего. Все будет в рамках закона, малыши.

Он продолжал едва слышно бормотать сам с собой и спустя пару минут поравнялся с «Лендровером». Ухмыльнулся, когда увидел, как из окна вновь высунулась женская рука, демонстрируя ему непристойный жест.

– Ну да, – кивнул он, обгоняя внедорожник. – На другое твои мозги неспособны. Только и умеете, что факи крутить. Я бы посмотрел, как бы ты вела себя в моем кабинете, детка.

Глубоко вздохнув, Сергей резко крутанул руль влево, перерезая путь «Лендроверу». В последнюю долю секунды в мозгу кольнула мысль, что эти охреневшие от собственной крутости мажоры в навороченном джипе, наверняка приобретенном на деньги папаши кого-то из них, даже не заметят его маневра, и тогда его «Форд» попросту сомнут и раздавят, словно вафельный рожок из-под мороженого. Однако пронзительный визг покрышек внедорожника дал понять, что водитель «Лендровера» все же сохранил остатки здравомыслия. Вместе с тем скорость массивной иномарки была слишком велика, и бампер внедорожника с гулким стуком саданул «Форд» в левое крыло. Закладывающая уши «музыка» резко оборвалась.

Малышев холодно улыбнулся. Не меняя выражения лица, он вышел наружу, и, даже не взглянув на вмятину в своей машине, направился к кроссоверу. Остановившись у двери со стороны водителя, Сергей наклонился, с улыбкой разглядывая молодых людей. Включая «рулевого» автомобиля, внутри сидело двое парней и одна темноволосая девушка. Ноздри защекотал сладковато-одурманивающий запах, к которому примешивалось густое перегарное амбре.

«Травка, – сразу определил Малышев. – Травка и алкоголь. Интересно, как их еще не вырубил?!»

– Привет, малыши, – проворковал он. – Куда торопимся?

Брови водителя, рослого молодого человека лет двадцати пяти, сдвинулись, лоб прорезали морщины.

– Ты нас подрезал, урод, – процедил он, с силой, до белизны в костяшках сжав руль. Его рыжий сосед, еще более крупный парень, нехорошо ухмыльнулся. Небритое лицо слегка припухшее, словно он гужбанил уже не первый день. Мочки ушей парня были растянуты «тоннелями» из черного стекла. Он ковырялся в зубах зубочисткой, всем своим видом демонстрируя, что это самое увлекательное занятие в его жизни.

– Дядечка, отпустите нас, – кривляясь, пропищала с заднего сиденья девушка. Она хихикнула, и ее зубки влажно блеснули белой полоской в полумраке автомобиля.

Водитель переглянулся с соседом, заерзав на сиденье. Звякнула пустая бутылка, валяющаяся где-то под ногами.

– Хорош чудить, дятел, – медленно произнес сосед водителя, не вынимая зубочистку изо рта. Он многозначительно похрустел костяшками толстых коротких пальцев. – Ты за этот бампер последние штаны снимешь, чтобы рассчитаться.

Малышев внимательно посмотрел на молодого человека.

– Надо же. Для одного я урод, для тебя – дятел. Только для вашей подруги я дядечка. И на том спасибо.

Он перевел взгляд на четвертого пассажира, сублильного юношу, который робко скукожился на заднем сиденье.

– Есть что сказать, парень?

Тот пролепетал что-то невразумительное.

Сергей прищурился, будто вспоминая о чем-то.

– Твое лицо кажется знакомым, – сказал он задумчиво.

Юноша отвернулся к окошку, едва не вывихнув шею от резкого движения.

– Вали на хер, – презрительно бросил водитель и, высунув голову наружу, демонстративно сплюнул. Вязкий комок слюны попал на левый мокасин Сергея. Все так же улыбаясь, Малышев протянул руку и проворным движением вынул ключи из замка зажигания кроссовера.

– Пожалуй, на сегодня вы свое откатали, – рассудительно сказал он и отступил назад.

Глаза водителя полезли на лоб. Снова переглянувшись с соседом, который не переставал недвусмысленно ухмыляться, парень распахнул дверь и грузно вывалился наружу. Волосы прилипли к потному лбу, покрасневшее лицо перекошилось от ярости.

– Ты че, берега попутал?! Кем себя возомнил, ушлепок?! Отдай ключи!! – заорал он.

Улыбка Малышева стала еще шире:

– Вы из Кемерово, ребята? Куда так спешите?

Молодой человек тяжело дышал, с бешенством глядя на милиционера налившимися от крови глазами.

– А кто ты такой, чтобы я на твои гребаные вопросы отвечал, а? Ты сам-то кто?

– Я гражданин России, – спокойно ответил Малышев. – Всего-навсего простой житель Каменска. У вас в Кемерово все так себя ведут на дорогах?

Хлопнула дверь внедорожника, и краем глаза он увидел, как к ним приближается рыжий сосед водителя. Сутулая осанка, крупные, мускулистые руки и коротко посаженная голова с низким лбом вызвали сходство с обезьяной.

– Гражданин России? – прошипел водитель, словно услышал нечто из ряда вон выходящее.

– Да. А вы – кучка засранцев, которой следовало бы надрать задницу. И сейчас я вызову наряд ДПС. Пусть инспектор проверит тебя на алкоголь, – добавил Сергей, ткнув в водителя указательным пальцем. – Что курили, малыши?

Лицо водителя из красного стало свекольно-багровым, почти как управляемый им «Лендровер».

– Жорж, ну что там? – простуженным голосом спросил рыжий крепыш, встав рядом с приятелем. – Проблемы?

Из внедорожника вышли оставшиеся пассажиры – девушка и юноша. Скользя безразличным взглядом по хихикающей девице, Малышев посмотрел на четвертого, невзрачного парня сублильного телосложения. Он слегка покачивался и с глупым видом таранился на начальника уголовного розыска, при этом часто моргая.

– Дядечка, а если я тебе покажу сиськи,пустишь нас? – неожиданно спросила девушка. Она улыбнулась, призывно облизнув ярко накрашенный рот. Ее пустые стеклянные глаза бутылочного цвета ничего не выражали, и Малышев вспомнил анекдот про блондинку, в глазах которой отражался ее затылок.

– Ну так что, дядечка? – не унималась девушка и в следующее мгновение задрала короткий розовый топик, бесстыдно покрутившись из стороны в сторону. Крепкие, налитые груди с торчащими шоколадными сосками сочно заколыхались, будто дразня милиционера. Субтильный парень, оживившись, визгливо рассмеялся, словно выполз из клейкого ступора. Водитель «Лендровера», наоборот, озадаченно топтался на месте, явно не зная, что делать дальше.

– От-пу-стииии, – виляя стройной талией, протянула кривляющаяся брюнетка.

– Не отпущу, – ответил Сергей, вздохнув с чувством безграничной скорби. – И закрой свои прелести. Порядочные дамы так себя не ведут.

Она демонстративно надула губки.

– Ты противный бяка, – заявила девушка, тем не менее последовав совету Малышева. В ее изумрудных глазах скользнула искорка.

– Но если... если только захочешь, шепни, – доверительно произнесла она. – Я покажу тебе такое... такое...

– Тома, заткнись, – приказал водитель, которого крепыш назвал Жоржем. Он сжал кулаки, но девушка, казалось, не обратила на молодого человека никакого внимания.

– ...уверена, что у твоей бабы такого качества, как у меня, нет, – заявила он, игриво подмигнув Сергею. – И вообще, порядочные дамы такие скучные...

– Закрой пасть! – взорвался Жорж и повернулся к Малышеву. В нем попеременно боролась смешанная гамма эмоций – раздражение, ярость и какое-то странное, доселе неизведанное чувство – терпкое, будто бы с острой, царапающей нёбо горчинкой. Что это? Уважуха к хозяину «Форда»? Или... Молодой человек не хотел признаваться самому себе, но факт оставался фактом – этот рано поседевший мужик вел себя настолько спокойно и хладнокровно, будто бы даже не допускал мысли, что ему могут настучать в бубен, отправив в нокаут прямо здесь, на обочине.

«Он не боится», – с раздражением отметил Жорж.

Малышев снова посмотрел на худощавого парня, который продолжал хлопать глазами, как идиотская кукла.

– Мы где-то встречались? – спросил Сергей, слегка наморщив лоб. – Определенно, я тебя видел.

– Ладно, – заговорил Жорж, сжимая и разжимая пальцы в кулаки. – Отдай ключи и вали отсюда, пока я добрый. Будем считать, что ничего не было. Думаю, со страховым агентом я договарюсь.

Малышев видел, какого труда стоило ему держать себя в руках.

– Ну?! – не выдержав, рявкнул водитель «Лендровера».

У него округлились глаза, когда он увидел, как владелец «Форда» отрицательно покачал головой.

– Я уже сказал вам, что сейчас вы никуда не поедете, – негромко произнес Сергей. – Во всяком случае, на этом автомобиле.

Теряя остатки самообладания, Жорж шагнул вперед, вытягивая вперед руку. Толстые пальцы скрючились, словно уже готовясь вырвать у Малышева сердце.

– О'кей... – скрипнул он зубами. – Сам напросился, гандон.

– Стой, где стоишь, – все так же тихо сказал Сергей. – Не усложняй ситуацию, парень.

Однако ослепленный ненавистью молодой человек продолжал шаркать, постепенно надвигаясь на милиционера, и вскоре приблизился к нему вплотную. Лево́й рукой Жорж скользнул по запястью Сергея, замахнувшись правой, но тут же вздрогнул, отпрянув назад. Охнув, молодой человек осел в пыль, судорожно хватая ртом воздух. Он даже не понял, как кулак незнакомца с силой парового молота врезался ему в солнечное сплетение.

– С... сука, – сипло выдавил он, держась за грудь.

Малышев смотрел на поверженного с холодным любопытством.

– Ну вот, – с укором сказал он. – Я ведь предупреждал.

Глаза рыжего здоровяка потемнели, он подобрался, как пружина. Выплюнув зубочистку, парень с хриплым криком бросился вперед. Массивное тело неслось, как тяжелый таран, и он уже предвкушал, как сметет с ног этого невесть откуда взявшегося ублюдка, с наслаждением втоптав его в гравий и превращая рыло в сырой фарш... Однако, к его изумлению, в последнюю долю секунды объект его внимания молниеносно нырнул вниз, с силой впечатав ему кулак в область почек.

Глаза крепыша округлились, и он грузно повалился на землю, подогнув колени. Ощущения были такими, словно ему в бок вонзили зазубренный гарпун.

Злобно матерясь, тем временем Жорж медленно поднялся на ноги. Светло-голубые джинсы были перепачканы пылью, колени дрожали, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы.

– Твою мать!! – проревел рыжий, продолжая лежать в позе эмбриона. Фиолетовая жилка на его виске пульсировала, словно забравшийся внутрь червь.

Малышев озабоченно взглянул на трассу. И хотя машин было немного, лишние свидетели происходящего были явно нежелательны.

«Это шоу нужно заканчивать».

Не хватало, чтобы впоследствии его обвинили в беспричинном рукоприкладстве. Судя по замашкам этих наглых сопляков, за их спинами наверняка стоят покровители – в виде их родителей или еще кого бы то ни было. Пускай с этой набухавшейся и обкурившейся «золотой» молодежью разбираются по закону.

Он посмотрел на свою машину. Телефон, по которому он намеревался вызвать дорожную милицию, остался лежать на сиденье.

– Отдай ключи, бля. Ключи, ушлепок, – как заведенный бубнил Жорж. Впрочем, его голос звучал уже не так уверенно и напоминал злобное шипение полураздавленной змеи.

Сергей, не удостоив его взглядом, зашагал к своему «Форду».

Изрыгая ругательства, рыжему все же удалось встать. На побледневшем лице выступили крупные градины пота.

– Убью блядину, – прохрипел он.

Жорж сплюнул белесый комок слюны в пыль:

– Валяй, убивай.

Мимо них неторопливо прошествовала девушка. Обе ее руки были заведены за спину, словно у арестанта во время прогулки.

– Если сюда приедут менты, нам п...ц, – отдышавшись, сказал Жорж.

Рыжий промолчал, продолжая внимательно следить за девушкой. Обернувшись к приятелям, она многозначительно кивнула, словно призывая их оказать помощь в исполнении некоего хитроумного плана.

Между тем Сергей открыл дверь и наклонился, потянувшись за телефоном.

– Можно вас попросить? Послушайте... – услышал он за спиной виноватый голос. Никакого намека на издевательский тон и хихиканье, как было минуту назад.

– Простите нас. Не надо куда звонить. Пожалуйста, – заискивающе добавила она.

Малышев обернулся, но среагировать не успел – в лицо уже летела горсть песка, выпущенная рукой девушки. Хлестко обожгло глаза, но все же он успел шагнуть и вклепить лицемерке пощечину. Визгнув, она покачнулась, едва удержавшись на ногах.

Жорж мгновенно оценил обстановку и, подхватив с обочины крупный обломок кирпича, вновь ринулся на обидчика.

– Уйди, – рявкнул он брюнетке, отпихнув ее в сторону. Кусок кирпича ударил Сергея в плечо, и он пошатнулся. Ожесточенно протирая саднящие глаза, он силился разглядеть напа-

давших, но видел перед собой лишь мечущиеся тени и колючую пелену, которая нещадно жалила веки.

– Игоряша, давай, – со злорадной ухмылкой потер руки Жорж. – Твоя очередь.

Приблизившись к Малышеву вплотную, рыжий с силой хрястнул его лбом в лицо. Голова Сергея безвольно мотнулась, из носа брызнула кровь. Подскочивший Жорж с уханьем двинул его ногой в живот, и Малышев упал. Хрюкнув, Игорь лягнул его по ребрам.

– Получил, блядина?! – иступленно завопил он, брызгая слюной.

Жесткие удары сыпались на Сергея один за другим, вид крови привел молодых людей в состояние звериного неистовства. Изредка мимо проезжали машины, но ни одна из них не притормозила, при том что расправа происходила в нескольких шагах от трассы.

Малышев все еще был в сознании, хотя мозг все чаще сотрясали пульсирующие вспышки, вот-вот обещая погрузить тело в спасительное беспамятство. Все, что Сергей мог сделать, – согнуться, прижав колени к животу, и прикрывать голову руками. Но эти упрямые, поддерживаемые инстинктом выживания попытки защититься только еще более распалили избивающих. И лишь когда Жорж схватил все тот же кирпичный обломок и занес его над окровавленной головой Малышева, Игорь перехватил его руку.

– Нет, – хрипло сказал он.

Опьяненные кровью, потные, покрытые пылью, они ошалело смотрели друг на друга, тяжело и прерывисто дыша.

– На «мокруху» я не подписываюсь, – наконец пояснил Игорь, вытирая лоб в грязных разводах. Посмотрел на застывшую в паре шагов девушку. – И никому из вас тоже не советую.

Брюнетка подошла ближе, пристально вглядываясь в окровавленное лицо Сергея. Разбитые губы начальника угрозыска беззвучно шевелились, будто он силился что-то сказать.

– А он ничего так, – заметила она, медленно кружа вокруг распластанного тела. – Наверняка служил где-то... люблю крутых дядечек...

Она наклонилась, снова задирая топик.

– Ну что, старенький дурачок? – с сочувствием проговорила она, ее груди мягко колыхались, как небольшие спелые дыньки. – Все еще не хочешь меня?

Веки избитого милиционера задрожали, приоткрывшись. Распухшее лицо напоминало сплошной кровоподтёк.

– Смотри, дядечка. Будет о чем вспомнить, когда будешь гонять шкурку скучными вечерами, – нараспев произнесла девушка. Выпрямившись, она внезапно подняла ногу и с силой вдавила узкий каблук в промежность Сергея. Тот заскрипел зубами, измочаленное тело выгнулось дугой.

Жорж и Игорь весело рассмеялись. Ядовитая злоба и неистовство медленно рассеивались в вечернем теплом воздухе.

– Ты молодец, Томочка, – сказал Жорж, притягивая девушку за талию.

– Эта мразь ударила меня, – пожаловалась она, слизывая с уголка губ кровь.

– Он получил свою порцию на сегодня, – хмыкнул Жорж, и они страстно поцеловались.

Обернувшись, Игорь махнул рукой худощавому юноше, который продолжал стоять истуканом рядом с внедорожником.

– Юрок, гребни сюда. Че встал, оглох?! – гаркнул он, видя, что парень даже не шевельнулся.

Помедлив, тот нехотя заковылял к товарищам.

– Ты тоже с нами, – сообщил Жорж, перехватив цепкий взгляд рыжего. – Я прав, Игорек?

Крепыш кивнул.

– Е...ни ему, – велел он, указывая на неподвижное тело избитого. Кровь на разбитом лице Сергея, перемешавшись с пылью, была похожа на черную вязкую кашу.

– Вы убили его? – спросил Юрий, испуганно глядя на валяющегося в крови мужчину.

Рыжий раздраженно пихнул его в бок:

– Такие быстро недохнут. Е...ни его!

Парень нерешительно толкнул Сергея мыском туфли.

Игорь покачал растрепанной головой, явно недовольный.

– Сильнее!

Юрий вытер нос, беспомощно посмотрев на Жоржа, словно ища поддержки.

– Из-за него мы чуть не разбились, – напомнила девушка. Ее носик плаксиво сморщился, но в прозрачно-бутылочных глазах отплясывали злобные чертенята. – Посмотри, он ударил меня. Ударил *женщину*. Он просто грязная тварь!

Юрий стукнул чуть сильнее, попав ногой в бедро лежащему.

– Еще!! – заорал рыжий, теряя терпение. – Еще, утырок! Бей! В морду бей!!

Проезжавшая мимо «девятка» притормозила, из окна высунулся пожилой мужчина, блеснув толстыми линзами очков:

– Ребята, помощь нужна?

Игорь умолк. Он поднялся, загораживая собой тело Сергея.

Жорж направился к остановившейся иномарке, лениво приподнимая руки, словно сдаваясь:

– Отец, все нормально. Никаких проблем!

Несколько секунд пенсионер переводил озадаченный взгляд с машин, стоящих поперек дороги, на молодых людей, затем, пробурчав что-то невнятное, тронулся с места.

Юрий шмыгнул носом.

– Вхерачь ему как следует, – процедил Жорж. – Или я сам тебя закатаю прямо здесь, б...дь. Стоял там в сторонке, шары в штанах гонял, пока мы с Игорьком на баррикады шли... Правильно, детка?

– Конечно, милый, – с томным видом подтвердила брюнетка.

Всхлипнув, юноша двинул ногой в бок Малышева. Потом в плечо. Затем наступил на кисть, ожесточенно повертел пяткой, вдавливая безвольную руку милиционера в нагретый за день асфальт.

Тамара хихикнула, захлопав в ладоши:

– Браво!

Нервно улыбнувшись, Юрий плюнул на Сергея и вопрошающе посмотрел на товарищей, как послушный пес в ожидании поощрения.

– Ладно. Тома, у тебя есть помада? – осведомился Игорь, повернувшись к девушке. – Наложим посмертный грим храброму герою.

Пока Тамара ходила за сумочкой в машину, Жорж расстегнул ширинку. Игорь покосился на приятеля:

– Хочешь ему всунуть? Не знал, что ты извращенец.

Жорж закудаhtал от смеха:

– Разве хрен достают, только когда трахаться хотят?!

И прежде чем рыжий успел что-то ответить, он принялся мочиться на бесчувственное тело Малышева. Ярко-желтая струя зигзагом прошла от джинсов до футболки мужчины, забрызгав шею и лицо.

– Лоб не трогай, – сказал Игорь, но янтарные капли едкой жидкости все же попали на голову Сергея.

– Может, кто пострать хочет? – полюбопытствовал Жорж.

Желающих не нашлось.

– Этот крендель неплохо боксирует, – был вынужден признать Игорь. – Наверное, в прошлом часто молотил по «груше»...

– Сейчас-то это неважно, правда? Мы ведь сделали его, – сказал Юрий. Он просительно заглянул в глаза рыжего. – Поехали, а? Тут опасно долго находиться.

Игорь даже не посмотрел в его сторону.

Когда вернулась Тамара, Жорж старательно стряхивал капли с пениса. Девушка с интересом взглянула на пятна мочи, расплывающиеся на одежде Малышева, и со вздохом обронила:

– Это уже жесть, мальчики. Хотя, может, невоспитанный дядечка и заслужил это.

– Дай сюда, – сказал Игорь, и она передала ему помаду. Сняв колпачок, рыжий склонился над Малышевым и принялся что-то старательно выводить на лбу милиционера. Когда все было готово, он выпрямился, с удовлетворением разглядывая проделанную работу.

Жорж засмеялся. Юрий растерянно хихикнул, облизнув сухие губы.

– Ты был так увлечен, что даже кончик языка высунул, – произнесла Тамара, подмигивая рыжему.

– Поехали, – отсмеявшись, сказал Жорж. Он поднял из пыли брелок с ключами, вырonnenный Малышевым.

– Мадам, безмерно вам благодарен, – произнес Игорь, галантно кланяясь и протягивая Тамаре блестящий флакончик. Она скорчила рожицу:

– Неужели ты думаешь, что после твоих приколов я буду *этой* помадой красить свои губы?

– Ага. Сорри, херню спорол.

Рыжий размахнулся, но, передумав в последнюю секунду, сунул тюбик в карман. Он подумал, что лучше избавится от помады позже.

Все направились к машине, лишь Юрий все еще стоял и молча разглядывал распластавшееся тело незнакомца. Грудь избитого едва заметно вздымалась, на распухшее лицо, залитое кровью и мочой, стали приземляться мухи. На грязном лбу ярко-алой помадой было криво намалевано: «ПИТАР»

– Юрок, ты там что, ночевать собрался? – раздраженно крикнул Жорж, и юноша заспешил к внедорожнику.

– На, охладись, – сказал Игорь, передавая ему начатую бутылку текилы. – Соли, правда, нет, зато в пакете где-то должен быть лимон.

– Ага, – вяло отозвался Юрий. Он решил, что обойдется без лимона, после чего глотнул прямо из горлышка.

Жорж включил магнитолау, и динамики вновь оглушающе взорвались дискотечным трансом.

Они ехали, и каждый, расслабившись, занимался своим делом – Жорж увлеченно травил очередную байку про свои амурные похождения в институте, Игорь посмеивался, между делом сооружая новый «косяк», Тамара озабоченно разглядывала в зеркальце свою припухшую губу – результат пощечины Малышева.

Юрий молчал, изредка отхлебывая теплую текилау. Лишь спустя полчаса после инцидента на дороге он поднял голову, уставившись мутным взором на серую ленту дороги:

– Слушайте... а я вспомнил этого мужика.

Он икнул, вытирая влажные губы.

Жорж умолк. Недовольный тем, что его перебили, он взглянул на приятеля в зеркало.

– Ну и?..

– Мы... в общем, еще в одиннадцатом классе дело было, – сбивчиво продолжил Юрий. – После выпускного, короче, ясен пень, нажрались... Витька Лазаренко с нами учился, помнишь, Жорж? Ты к тому времени уже в другую школу перевелся. Ты потом еще...

Юноша сделал глоток текилы и закашлялся.

– Давай по делу, не развози понос, – резко сказал Игорь.

Юрий вздохнул.

– Мы по пьяни машину одну вскрыли. У брата Витьки тоже какие-то козлы тачку обворовали, магнитола сперли. Ну вот, Витька хотел ему подогнать магнитола... Подарок, типа. Взяли нас, конечно – кто-то из окна увидел.

– И что? – с нетерпением поторопил его Жорж. – Этот седой гандон и был тем самым в окне?

– Нет, – тихо ответил Юрий. Помявшись, он добавил: – Мужик, которого вы отделали, был из ментовки.

На несколько секунд воцарилось гнетущее молчание. Жорж полностью убрал звук, отчего стал слышен только звук работающего двигателя.

– Ну и что? – наконец подал голос Игорь. Он достал зажигалку, щелкнул колесиком, осторожно прикурив «косяк». – Сколько лет уже прошло? Может, он уже на пенсии. Это раз. А во-вторых, Юрок, как это... человеческий фактор. Может, тебя приключило. Мы ведь все курнули час назад, бухлишком зашлифовали. Кто знает, чего там тебе привидилось. Я не удивлюсь, если бы вместо этого кренделя ты Киркорова увидел. Или Петросяна.

– Он-то меня узнал! – с обидой в голосе возразил Юрий.

– Не нравится мне это, – покачала головой Тома, засунув зеркальце в сумочку. – Менты за своих жопы рвут. Я слышала, для них это вроде священного долга и прочая фигня.

– Ничего он не сделает, – промолвил Жорж после недолгих раздумий. – Даже если он нас запомнил, че он сможет? Мы в Каменск всего на неделю тусануть прилетели. А этот каратист, мать его, как минимум месяц будет свои фингалы вазелином мазать и бельишко обоссанное стирать.

– Он видел наши номера. Помните, намекнул, что мы из Кемерово? – сказала Тамара.

– Это *вы* из Кемерово, – с мрачным видом напомнил Юрий. Он вновь приложился к бутылке и, поперхнувшись, закашлялся. Когда приступ прошел, он добавил:

– А я живу здесь. Вы уедете, а он меня пришьет где-нибудь за углом...

– Да вы че, охренели, что ли?! – вскипел Жорж. – Тоже, мля, нашелся дядя Степа сраный! Че, в штаны наложили? Подумаешь, мусор какой-то! Проучили старого ушлепка, так ему и надо!! Не будет в следующий раз правильным пацанам дорогу переходить!! А если он тебя, Юрок, хоть пальцем тронет, я бату напругу... Не ссы!

– Остынь, братишка, – сказал Игорь, протягивая ему дымящуюся самокрутку. По салону поплыл сладковатый запах. – Я, кстати, номер его «Форда» тоже запомнил. Так, на всякий случай...

– Кстати, а ты че облажался? – обратился Жорж к рыжему. – Вроде как боксом занимался, не?

– Этому дятлу просто повезло, – глядя в сторону, ответил Игорь. – Я на камне ногу подвернул.

Жорж затаился и вернул ему косяк. Несколько минут никто ничего не говорил, все обдумывали слова Юрия. Первым нарушил молчание Жорж.

– А знаете что? – глухо проговорил он, сбавляя скорость. – Давайте вернемся.

– Зачем? – глупо спросил Юрий. Он поднес ко рту текилу, но горлышко бутылки замерло у губ.

– Затем, – вместо Жоржа ответил Игорь. – Не догоняешь?

– Эй, мальчишки, – с тревогой заговорила Тамара. – Вы что задумали?

– Это не твоя забота, – осклабился рыжий. – Ты свое дело на пятерку сделала. Сиськами трясти уже не придется.

– Ты... ты ведь сказал, что не подписываешься на такие вещи?

Игорь шумно выдохнул.

– Ситуация может меняться, детка. И под нее нужно подстраиваться. То есть работать более гибко. Поняла?

Не говоря ни слова, Жорж резко крутанул руль, пересекая сплошную линию. Возмущенно засигналила «Газель», двигающаяся в противоположном направлении, чуть было не столкнувшаяся с кроссовером.

– Парни, вы что? – растерянно улыбнулся Юрий, видя, что автомобиль понесся в обратную сторону, стремительно набирая скорость. – Вы что, добить его решили?

– Заткнись, – отрезал Жорж. – Лучше открой новый «пузырь».

– Тогда высадите меня! – взмолился юноша. – Я ничего не расскажу!

К нему повернулся Игорь, и парень, напуганный выражением лица рыжего, нервно дернулся назад, как если бы коснулся оголенного провода.

– Я тебя сейчас на бутылку посажу, Юрок, – прошептал он зловеще. Побледневшее лицо Юрия обдало сладковатым запахом травки. – Одним махом порву целку. Так что закрой пасть и вееди себя тихо.

Отвернувшись, Игорь прибавил:

– Мы сами все сделаем.

Однако ничего никому делать не пришлось.

Когда «Лендровер» остановился у обочины, где произошла недавняя стычка, на дороге было пусто. Ни «Форда», ни странного незнакомца, ничего.

– Может, мы перепутали место? – предположил Жорж, озабоченно оглядываясь вокруг. – В этом Каменске, мля, все одинаковое.

Игорь включил фонарик на телефоне, и в стущающихся сумерках ему удалось разглядеть обломок кирпича. Судя по всему, тот самый, который Жорж швырнул в несговорчивого мента. Рыжий пнул его ногой, с досадой проговорив:

– Это то самое место. Вон капли крови, а это, кстати, следы от шпилек Тамары. Просто мы опоздали.

Он задрал голову, уставившись на проклюнувшийся в матовой синеве неба серебристый месяц:

– Или он сам очухался, или его увезли.

– А машина? – вяло спросил Юрий. – Куда его машина делась, если его увезли?

– Хрен его знает, – буркнул рыжий.

Все молча вернулись к внедорожнику.

* * *

В начале второго ночи на пустынной трассе остановился потрепанный «Хендай». Сидящая на заднем сиденье женщина молча расплатилась с водителем и открыла дверь.

– Вам точно здесь? – на всякий случай уточнил водитель с усталым лицом.

Она кивнула, взяв в руки два увесистых пакета.

– Стесняюсь спросить, куда сейчас пойдет одинокая женщина с сумками? – не выдержал водитель, положив узловатые руки на рулевое колесо. – Тут на десять километров вокруг ни души, одна глухомань...

Пассажирка, уже намеревавшаяся вылезти наружу, бросила на него ничего не выражающий взгляд.

– Хочется побыть одной. Не волнуйтесь, со мной ничего не случится.

В зеркале заднего вида мужчина поймал ее улыбку, при этом лицо незнакомой пассажирки оставалось каменным.

– Ну как хотите, – проворчал водитель. – Если что, могу вас отвезти обратно...

Но женщина уже шла по обочине.

Он нахмурился, заметив ржавые стойки, торчащие из гравия, – все, что осталось от когда-то высившегося здесь указателя. Если ему не изменяет память, много лет назад неподалеку располагалось небольшое село, которое потом практически полностью сгорело.

Все еще раздумывая, за каким чертом эта странная тетка притащилась в богом забытое место, он развернул машину. Чихнув проржавевшим глушителем, автомобиль помчался прочь, быстро слившись с прохладной темнотой.

Вздохнув, женщина сошла с трассы и теперь осторожно двигалась по распаханной глубокими колеями дороге. Вскоре впереди замелькали черные бесформенные тени – все, что осталось от сожженного поселка.

Под ногами попадались рытвины и камни, и она внутренне порадовалась, что решила обуть легкие кроссовки. А ведь поначалу, услышав *его* голос, настаивающий на встрече, женщина мысленно представила себя в своем любимом вечернем платье и изумительных туфлях на высоком каблуке, которые она со скидкой приобрела буквально на днях. Однако, узнав о месте свидания, все мысли об изящном наряде развеялись как дым.

Он звал не на свидание.

А уж сам факт того, что *он* потребовал привезти комплект спортивной одежды и провизию, означал лишь одно: что-то случилось.

Случилось что-то из ряда вон выходящее.

Спустя десять минут она стояла возле покосившейся, едва дышащей на ладан хибары. Женщина оглянулась вокруг, вдыхая воздух, наполненный ночными запахами – пронизывающего ветра, сухой травы, ночного тумана и прелой листвы. Где-то в лесу отрывисто проухал филин, и она нервно поежилась. Шагнув к двери, она с расстановкой постучала пять раз в облезло-расшатанную дверь.

Через какое-то время внутри что-то тихо звякнуло, и, царапая дощатый пол, покосившаяся дверь нехотя отворилась.

– Закрой за собой, – вместо приветствия бросил человек, тут же скрывшись внутри дома.

Женщина послушно вошла внутрь и, поставив на пол тяжелые пакеты, заперла дверь изнутри на массивную задвижку.

– Один хороший удар, и эта избушка развалится как карточный домик, – заметила она. – Никакая щеколда не поможет, Сережа.

Ей не ответили.

Она подняла пакеты и медленно направилась вперед, там, где тускло мерцала керосиновая лампа. Поморщилась, ощутив насквозь пропитавший убогое жилище запах – прогоркло-затхлый, с гнильцой, словно когда-то под кровать заползла больная крыса и незаметно сдохла.

«Эту вонь словно можно брать руками и мять, словно слякоть. Или дерьмо», – подумала женщина, скривив нос. Ко всему прочему, среди других «ароматов» ее ноздри уловили явный запах мочи.

Керосинка стояла на разошедшемся столе так, чтобы скудное освещение не захватывало мужчину, который неподвижно сидел на стуле, прислонившись к стене. Приглядевшись, женщина заметила, что, кроме джинсов, на нем ничего не было.

– Привет, Маша, – произнес он бесцветно. – Там есть табуретка, присаживайся и чувствуй себя как дома.

Женщина шагнула к столу, принявшись молча выгружать пакеты.

– Я не слышал шума мотора. Где ты оставила машину? – спросил он.

– Машина в сервисе – нужно генератор менять. Я добралась на такси, – ответила она.

– Весьма опрометчиво «светить» это место посторонним.

– Не волнуйся, я вышла еще на трассе.

Около минуты никто из них не произнес ни слова.

– От твоих штанов несет мочой, – наконец сказала женщина. – Ты позвонил мне в одиннадцать вечера, попросил привезти одежду, лекарства, еду и алкоголь с сигаретами. Что случилось, Сережа?

Малышев усмехнулся.

– Споткнулся и упал. Не повезло, с каждым бывает.

Мария выставила на стол водку и некоторое время смотрела на бутылку с таким изумлением, словно у нее проклюнулись глаза и она подмигивала женщине.

– Ты не пил восемь лет.

– Восемь с половиной, – поправил ее Сергей.

– И с табаком ты тоже завязал, – продолжала Мария. Она взяла со стола керосиновую лампу и, мгновение помедлив, осветила фигуру милиционера. И хотя распухшее, покрытое засохшей коркой крови лицо мужчины потрясло ее, на лице Марии не дрогнул ни один мускул.

– Значит, ты споткнулся, упал и надул в штаны. Прямо как ребенок из детского сада. Я правильно тебя поняла? – спросила она, ставя лампу на место.

Сергей потянулся к водке.

– Что-то вроде этого, – обронил он, срывая крышку. Наплескал в пластиковый стаканчик, выпил махом и шумно выдохнул:

– Наверное, самое время вернуться к прежним привычкам. По крайней мере, в эту чудесную романтическую ночь, копать-хоронить.

Мария принялась вскрывать упаковки с ветчиной и сыром, быстро и ловко раскладывая закуску на картонной тарелке.

– Ты вроде в отпуске? – задала она вопрос, когда все было готово.

Малышев выпил еще, засунув в рот ломтик ветчины.

– Угадала. Видишь, как у меня удачно прошел первый день?

Он усмехнулся, но лицо женщины оставалось бесстрастным.

– Не хочешь рассказать, что все-таки произошло?

– Маша, не доставай меня вопросами, – тихо проговорил Сергей. – Я сейчас не в настроении.

Она это знала, поэтому решила больше не приставать с расспросами. В отличие от простого обывателя, у Малышева имелся своеобразный подвал внутри себя самого... и когда того требовала ситуация, он протискивался внутрь и наглухо закрывал люк.

– Я сам тебе скажу, когда сочту нужным, – прибавил Сергей. – А пока что – выношу благодарность за то, что выручила в столь поздний час.

– Не за что, – сухо ответила Мария. Выдержав паузу, она снова спросила: – И все же. Почему ты не поехал домой? Здесь отвратительно.

Сергей потянулся за пачкой сигарет, не спеша снимая с нее прозрачную пленку.

– Я не хочу, чтобы моя семья видела меня в таком виде.

«Семья? Пожалуй, сложно назвать семьей подсевшую на «колеса» жену со стеклянными глазами... И бледного сыночка со взглядом волчонка, из которого клещами слово не вытянешь», – подумала Мария. Вслух же она произнесла:

– А как же «Логово»? Ведь там куда комфортнее.

Малышев закурил, в спертom воздухе поплыли едкие струйки дыма. Он закашлялся.

– Дерет с непривычки? – полюбопытствовала Мария без тени сочувствия.

– Дерет. Что касается «Логова»... Сюда было ближе, – откашлявшись, проговорил Сергей. – И потом, ключи от наших подземных апартаментов все равно остались у меня дома.

Она вздохнула, двигая в сторону любовника свернутый пакет:

– Здесь спортивный костюм. Обувь, надеюсь, не нужна?

Малышев покачал головой, выпуская жемчужное облачко дыма.

– Я могу переодеться прямо сейчас, если тебя так смущает запах от моих джинсов, – предложил он.

– Почему ты не звонил мне раньше? Я... – Мария запнулась, будто с разбега ударившись о невидимое препятствие. – Я скучала, – добавила она тише, будто смущаясь этим признанием.

Сергей тяжело поднялся и встал у наглухо заколоченного окна.

– Тяжело привыкнуть, что здесь доски вместо стекла, – сообщил он, глубоко затягиваясь. – Я очень редко бываю тут. Иной раз думаешь – приеду, а кругом одни развалины. Или еще хуже – обугленные головешки... Говорят, скоро в этих местах будет проходить скоростная трасса. Благодаря новой дороге не придется тащиться транзи...

– Ты слышал? – повысила голос Мария, перебив его. – Я скучала по тебе, сукин сын! Засранец хренов!

Малышев повернулся к застывшей на табуретке женщине.

– Мог бы и поцеловать меня, – прошептала она.

Сделав очередную затяжку, Сергей затушил окурок прямо об мозолистую кожу ладони и подошел к Марии. Демонстративно положил испачканную пеплом руку на ее грудь, топорщившуюся сквозь тонкий свитер.

– Пошли, погремим костями, сучка, – промолвил он, ущипнув ее за сосок. – Я же вижу, ты меня хочешь.

– С чего ты решил? – с вызовом спросила Мария, убирая руку мужчины.

– Твой чудный ротик слегка приоткрыт, – улыбнулся Малышев. – Губки влажные... Понимаешь? Твое тело говорит само за себя. Это неосознанная имитация твоей киски.

Мария отвела горящий взгляд, поймав себя на мысли, что этот человек читает ее, словно раскрытую книгу.

– По этой причине женщины и красят губки в красные тона. Ведь влагилице при возбуждении наливается кровью и краснеет, – пояснил Сергей.

– Ну да, – угрюмо отозвалась Мария. – И если у меня насморк и я дышу ртом, все равно я тебя хочу, верно?

– В моем случае – да, – хихикнул Малышев.

– У меня сегодня течка, – предупредила она.

Сергей коснулся пальцами распухшего носа, скривился.

– Это меня только возбуждает, – сообщил он, заговорщически подмигивая. – Люблю, когда вокруг море крови. Идем, ты не отвертись. Я же вижу, ты от нетерпения готова из кожи выпрыгнуть, чтобы я тебе вдул.

Он положил на ее плечо руку, но Мария не собиралась так легко сдавать позиции. Женщину корбило, что ее тащат в постель, как дешевую шлюху.

– Но тут нет душа!

Малышев бросил взгляд на стол, где стояла двухлитровая бутылка минералки.

– Тебе этого хватит, – решил он. – Идем. Я загоню своего лохматого единорога в твою сказочную долину.

Спотыкаясь и тяжело дыша, они буквально ввалились в темную, как склеп, комнату. Сергей толкнул женщину на старый топчан, застеленный плоским, лоснящимся от грязи матрасом.

– Об этом я мечтала всю жизнь, – пробормотала Мария, когда Сергей, пытаясь с остервенением срывать с нее одежду. – Трахнуть в вонючей конуре с пьяным мужиком. Который забрызган ссанием и кровью.

– Ты что-то пискнула, мышка? – задыхаясь, спросил Малышев. Он повалил женщину на спину, усевшись сверху. – Я не расслышал.

Мария подняла руки и, скрючив пальцы, вонзила ногти в его мускулистую грудь, густо заросшую седыми волосами.

– Я говорю, что ты гребаный псих. Хочу, чтобы ты насадил меня на свой кол и драл до самого утра! – хрипло выкрикнула она. Она повела руки вниз, и тот заскрипел зубами, когда ногти женщины, прорвав кожу, оставили на его груди и животе кровоточащие борозды.

Левой рукой Малышев схватил ее за волосы, наматывая шелковистые пряди на крепкий кулак.

– Любой ваш каприз, леди, – шепнул он, и, словно клещами, сжал нос Марии большим и указательным пальцем. – Только шепни.

Глаза женщины вылезли из орбит.

– Еще? – проворковал он. Отпустив волосы, Сергей сунул руку в промежность женщины, выковыривая влажный тампон. Внутри было тепло и липко, будто бы он перебирал пальцами густой кисель.

– Еще, – прогнусавила Мария, и Малышев удовлетворенно кивнул, стискивая ее нос еще сильнее. Из ноздрей потекли струйки крови.

– Ударь меня! – взвизгнула она, елозя под телом мужчины, и Сергей отвесил ей хлесткую пощечину.

Его член проскользнул внутрь, и Мария застонала. Ее ногти с удвоенной силой впились в потное тело Сергея, и тот издал звериный вой.

– Сла... слабак... – прерывисто дыша, выдавила из себя Мария. Она нащупала его сосок, изво всех сил сдавив его пальцами.

– Ска... жи... сучка, – прохрипел Сергей. С его разгоряченного лица капал пот, прямо на шею Марии, скапливаясь на ложбинке между колыхающихся грудей. – Ска... жи... «Сереженька... люблю тебя... люблю больше жизни!!» Ну?! Скажи!!!

– Люблю, – прошептала Мария. – Сукин кот... Сереженька... Больше... жизни... – Ее глаза затуманились, она с силой обхватила мокрую от пота спину мужчины, который яростно вгонял свой член все глубже и глубже, словно намереваясь проткнуть ее насквозь, как шампур кусок сырого мяса. – Люблю, люблю...

Заскорузлый от грязи и времени матрац съехал вниз, потемнев и намокнув от менструальной крови. Грубо сколоченный топчан вздрагивал, скрипел, стонал и скрежетал под совокупляющимися, будто бы с отчаянием предупреждая, что еще одно резкое движение – и он развалится в труху. Но эти двое обезумевших существ вряд ли это заметят и, скорее всего, продолжают трахаться до тех пор, пока не затрещат доски пола и они не провалятся в погреб...

Когда все было закончено, Малышев быстро слез с обмякшего тела любовницы. Подняв с пола заляпанный кровью матрац, он перевернул его относительно чистой стороной и швырнул на топчан:

– Подвинься и поправь.

Мария ничего не ответила. Прикрыв лоб тыльной стороной ладони, она глубоко дышала, пытаясь унять сердце, колотящееся раненым зверьком.

Сергей вышел на кухню, набрал в рот водки. Прополоскав огненную жидкость во рту, он приснул на грудь, испещренную порезами, оставленными острыми ногтями.

– Багира, копать-хоронить, – выдохнул он.

Вторую порцию водки Малышев отправил в желудок. Он быстро пьянел – отвыкший за столько лет от алкоголя организм, казалось, сначала впал в ошеломленный ступор и не сразу понял, что нужно делать с порциями сорокаградусной жидкости, которые раз за разом поступали в желудок.

Покачиваясь, Сергей вернулся к Марии.

– Я же сказал, поправь этот гребаный матрац, – раздраженно потребовал он.

– Тебе надо, ты и поправляй, – сонно отозвалась Мария.

– Ты ленивая сука. Знаешь об этом? – сказал Малышев, и на губах его заиграла хищная улыбка. Он шлепнул рукой по окровавленным ягодицам женщины:

– Подвинься.

Кое-как расправив матрац на топчане, он улегся рядом, с наслаждением вытянув ноги.

– Как дела на работе? – поинтересовался Сергей. – Не надоело мерить температуру всяким придуркам и выносить горшки с дерьмом?

– Можешь предложить что-то иное вместо должности медсестры?

– Над этим стоит подумать. Работа должна приносить радость и удовольствие, а не желание засунуть два пальца в рот.

– Мне надоела нищенская зарплата, – скривила губы Мария.

– Ну да, понимаю. Подработки у тебя нет. Не каждый же день старые пердуны глотают с соплями золотые зубы, а потом высирают их в горшки.

Женщина покраснела:

– К твоему сведению, я вернула этот гребаный зуб его владельцу.

Сергей весело рассмеялся:

– Ладно, не дуйся.

– Почему ты не разведешься, Малышев? – спросила Мария, решив сменить тему. – Ты ведь абсолютный псих. И кайф ловишь, только когда видишь кровь. Сомневаюсь, что твоя жена дает тебе такой адреналин. Зачем тебе эта несчастная развалина? Ты ведь превратил ее в конченую наркоманку.

– Оставь в покое мою семью, – отрезал Сергей.

– А твой сын? Артур? Я видела его. Парню явно нужен психолог.

«А если точнее, то психиатр», – про себя подумала Мария.

– Он хорошо учится, – возразил Малышев и зевнул. – Получит диплом, возьму его к себе... А насчет развода... Меня, Маша, все устраивает.

Зная наперед реакцию, она тем не менее осторожно сказала:

– А меня нет.

Сергей приподнялся на локте, уставившись на женщину. Он вдруг подумала, что его глаза были похожи на тлеющие угли, только вместо жара источали зыбкий холод:

– Показать, где дверь?

Мария печально рассмеялась.

– Угу. Это по-рыцарски. Вызвать ночью в заброшенный сарай без света и удобств, трахнуть во время месячных, а потом выгнать к херам собачьим.

– Ты знала, к *кому* едешь.

С ее губ сорвался вздох.

– Знала. Только на секунду задумайся вот о чем, прежде чем выставять меня за дверь. Сегодня ночью, когда тебе было хреново, ты позвонил мне, Малышев. Не своей жене. Не своему сыну. Не своим приятелям, ментам. Ты позвонил *мне*.

Сергей лениво перекинул ногу через Марию, снова усевшись на нее сверху.

– Этим ты только еще больше возбудила меня, – признался он. – Взгляни, какой стояк. Прямо памятник Юре Гагарину.

Она коснулась пальцами головки его набухшего члена, липкой от собственной крови, и поморщилась.

– Слезь, Сережа.

– Бунт на корабле? – прищурился Малышев.

– Я не хочу. У меня внутри все хлюпает, как будто там прокисший борщ. Только попробуй сунься, я тебе глаза выцарапаю.

Помешкав, мужчина, нехотя подчинился.

– Про глаза сильно сказано, – пробурчал он, с досадой ощутив, как возбуждение мгновенно улетучилось – отлившая от пениса кровь превратила его в съезившийся сонный мешо-

чек плоти. – Но вот борщом ты мне всю малину испортила. Я люблю грибной суп, ну рассольник... Борщи терпеть не могу. Как будто кто-то свои легкие выблевал.

– Я помню, – ухмыльнулась Мария. – Поэтому и сказала. Я знаю тебя как облупленного, Сережа.

– Думаешь, ты для меня загадка? – хмыкнул Малышев.

– О нет. Я все твоя с потрохами. О, великий эксперт по слюнявым ртам и влагиалищам.

Она ожидала вспышки гнева, но Сергей лишь хрипло рассмеялся.

– Если тебе не нравится тут, мы можем спуститься вниз, – предложил он. – Я вздрючу тебя на электрическом стуле.

Мария плотно сжала губы.

– Ты имеешь в виду подвал? Там, куда ты привозил Артура?

Он ничего не ответил, но женщина и так знала, что именно это имел в виду Сергей. Она помнила, что он как-то рассказывал ей о своих «представлениях» с сыном. Мария не хотела вмешиваться в семейную жизнь любовника, хотя не одобряла методов «воспитания», которые Сергей применял к Артуру.

– Нет. Вниз я точно не пойду.

Мария встала.

– У тебя хоть какое-нибудь полотенце есть? – с надеждой в голосе спросила она.

– Посмотри в прихожей. Там на крючке какие-то тряпки висят, – зевнув, ответил Малышев. – Там же и подмойся, а завтра утром я все уберу.

Чертыхаясь, она взяла бутылку с минеральной водой и, подсвечивая дорогу мобильным телефоном, двинулась к выходу.

– Захвати сигареты и керосинку! – крикнул Малышев, когда шорох в прихожей утих и в проеме замаячил женский силуэт.

Мария безоговорочно выполнила просьбу и села на край топчана. Сергей закурил, глядя в серый потолок, сплошь затянутый рваными лохмотьями паутины.

– Знаешь, я недавно видела странный сон, – промолвила она, задумчиво глядя на кольца дыма, медленно растворяющиеся в воздухе. – Тебе снится Афган, Сережа?

Малышев сбросил пепел прямо на пол:

– Сегодня у меня нет настроения предаваться воспоминаниям.

– А я снова видела ту девчонку. Помнишь, недалеко от Фарьяба? Ей оторвало руку.

– Помню, – нехотя отозвался Сергей.

– Мне снилось, что она сидит у меня на постели, – тихо проговорила Мария. – Сколько ей было лет, Сережа? Восемь, десять?

Ответа не последовало.

– Я ничего не могла сделать. Я просто смотрела, как бедняжка умирает, и все. А она смотрела на меня своими огромными синими глазами. Я еще поразились – откуда у ребенка такие чистые синие глаза? Словно бог, когда делал эту кроху, отщипнул для ее глаз кусочек неба. Она смотрела и дышала, часто-часто.

– Я сейчас расплачусь, – пробормотал Сергей.

– А прошлой ночью она пришла ко мне, – продолжила Мария. – Она что-то говорила, глядя на меня, но я не понимала. Я только видела ее окровавленную культипку вместо руки и огромные глаза, и в них я видела себя. И мне стало нехорошо, когда я увидела отражение. На меня смотрела седая старуха, Сережа. Древняя жуткая старуха с трясущейся головой.

Сергей безмолвно разглядывал тлеющий окурок.

– Я сразу проснулась. И, не поверишь, сразу кинулась к зеркалу, – криво улыбнулась женщина. – Можешь себе вообразить?

– Вполне, – только и сказал Малышев.

Несколько минут прошло в молчании. Сергей докурил сигарету и, заложив руки за голову, невидяще смотрел перед собой.

– Какие у нас планы? – задала вопрос Мария, прервав затянувшуюся паузу. – Помнится, ты что-то говорил об одной семейной парочке алкашей из Павловска. Как насчет выходных? Я свободна.

– Нет. Планы изменились, – сказал Сергей, и на этот раз голос его прозвучал четко и жестко. Словно громадный тесак воткнулся в разделочную доску.

Мария выжидающе смотрела на любовника. Она подумала, что корректировка планов наверняка связана с сегодняшним происшествием, из-за которого Сергей срочно вызвал ее в эту заплесневелую дыру...

Он слез с топчана. Мерцающий свет керосинки играл размытыми бликами на его крепком, поджаром теле, сплошь покрытом шрамами и подсыхающей кровью женщины.

– Список в силе, спившиеся бичи не вычеркиваются из него, – промолвил Сергей. – Всею свое время. А сейчас – небольшой форс-мажор...

В двух словах Малышев кратко поведал ей о недавнем инциденте на трассе.

Мария ответила не сразу. Впрочем, Сергей не торопил ее. Пока она сидела, обдумывая план Малышева, тот быстро облачился в спортивный костюм, который она привезла.

– Я недавно слышала одну притчу, – вдруг произнесла Мария. – Один старик-философ плыл в лодке, размышляя о боге и смысле жизни. И вдруг почувствовал сильный удар. Разозленный, он взял в руки весло и обернулся. «Кто посмел отвлечь меня от моих мыслей?!» – возмущенно подумал он, горя желанием наказать обидчика. Перед ним на волнах покачивалась лодка. Пустая лодка. Ярость ушла, и мудрец со вздохом сел обратно.

«Это просто пустая лодка», – сказал он сам себе и вновь погрузился в медитацию. С тех пор, сталкиваясь на своем пути с какой-то неурядицей или конфликтом, он всегда мысленно говорил сам себе: «Это всего-навсего пустая лодка». Он просто перестал обращать внимание на эти мелочи жизни.

Малышев смерил ее холодным взглядом:

– Долгая прелюдия перед ответом.

Мария усмехнулась.

– Я просто хотела сказать, что эти жалкие шавки – не твой уровень, – пояснила она. – Да, им удалось надрать тебе задницу, и они спустили тебя с облаков, скинули, так сказать, корону с твоей башки. Извини за прямоту, но они прочистили тебе мозги, заставили понять, что ты не бог тут у себя в Каменске. В том, что случилось, отчасти виноват ты сам. Нужно было позвонить гаишникам и пасти этот джип, пока на помощь не придут твои коллеги. А ты решил в героя поиграть, за что и поплатился. Поэтому забудь об этом. Вся эта херня, что с тобой приключилась, – не что иное, как пустая лодка из моей байки. Не лезь в это дерьмо, Сережа. Наверняка у этих сопляков крутые предки. Мы всегда работали с теми, кто находится на дне, и никто особенно не разыскивал наших клиентов. У нас никогда не было осечек. Только небеса знают, что начнется, если мы возьмем в оборот твоих мажоров.

Все время, пока она говорила, лицо Сергея оставалось непроницаемо-каменным, и ей не нравилось это. Он напомнил ей жесткий комок из мускулов и костей, густо пропитанный иступленной ненавистью.

«Похоже, он не успокоится, пока не накажет этих обкуренных идиотов», – с тревогой подумала Мария.

– В конце концов... почему бы не пойти законным путем? – промолвила она. – Их связи против твоих... Ты – сотрудник милиции! У тебя авторитет, ты ветеран боевых действий, и даже если на их стороне будут богатые родители, в суде твоему слову поверят больше!

Сергей метнул на ее пронзительный взгляд.

– Маша, похоже, ты не всасываешь ситуацию. Если я пушу все на законные рельсы, начнется сопливая рутина, – процедил он. – Протоколы, задержание, адвокаты и прочая официальная муйня. Допросы, опознание, очная ставка, на которой я должен буду подробно рассказать обо всем, что они сделали. Ты понимаешь?

«Понимаю, – про себя произнесла Мария. – Он никогда в жизни не признается при ком-то, что его, ветерана Афгана, изваляли в пыли какие-то молодые отморозки, после чего обоссали с ног до головы...»

– Если будет суд, все придется повторять, – продолжал Сергей. – Весь город будет знать, что парочка ужравшихся говнюков уделали майора Малышева, начальника уголовного розыска. Их будут всячески отмазывать. Если у них влиятельные родственники, дело могут повернуть так, что виноватым окажусь я. Мол, как же так, помешал веселиться хорошим ребятами!

– Мне все равно не нравится эта затея, – упорствовала Мария. – Ты сейчас разъярен, переполнен эмоциями. Это объяснимо и понятно. Но слепая месть может сыграть с тобой злую шутку, Сережа. Я все равно уверена, что этих ублюдков нужно наказывать по закону.

Малышев наклонился, приблизив к ней вплотную свое разбитое, в кровоподтеках лицо. Мария буквально кожей чувствовала, как от него тягучими волнами исходит глухое бешенство.

– А по поводу притчи мой ответ будет таким, – хрипло прошептал он, и Мария неосознанно подумала, что если бы голос Сергея был лезвием, им можно было бы вспарывать плоть. – Между **местью** и наказанием есть разница. Знаешь, в чем? Наказание производится ради наказуемого. **Мщение** – ради **мстящего**, чтобы утолить его гнев². Нет никакой долбаной лодки, Маша. Есть пара-тройка зарвавшихся ублюдков, которые вообразили себя хозяевами жизни и которых я собираюсь проучить.

Он выпрямился, не сводя с Марии немигающего, как у змеи, взгляда.

– Это мой город, девочка. *Мой*. И если я позволю каким-то приезжим гандонам пачкать его своей слизью, а также безнаказанно ссать на меня... Тогда мне лучше сразу сунуть в рот ствол и нажать спусковой крючок.

² Аристотель.

Часть II

*Мне по хрену, что ты ничего не знаешь, я все равно буду тебя
пытать...*

Бешеные псы

Пока в глубокой сковородке тушились куриные окорочка, худощавый юноша поставил на стол миску с очищенными овощами. Густые темно-русые волосы были тщательно расчесаны, тонкое лицо непроницаемо, взгляд сосредоточен. Несмотря на жаркий летний день, парень был облачен в теплую водолазку и вытертые до белизны джинсы.

Он положил перед собой разделочную доску, взял длинный нож с широким поблескивающим лезвием и, достав из миски помидор, принялся кромсать его на мелкие аккуратные кубики. Вслед за ним последовал желтопузый сладкий перец, крупная морковь и лук.

Иногда молодой человек поднимал голову, бросая безучастные взгляды на экран телевизора, припиленного к стенке над холодильником. Показывали очередной детективный сериал. Юноша не следил за сюжетом, впрочем, как и за всеми остальными программами, когда работал телевизор. Единственное исключение составляли новости, их он обычно смотрел с интересом. Во всех остальных случаях так называемый «зомбоящик» парень воспринимал не иначе как фон, вроде неотъемлемой составляющей кухонного интерьера.

От свеженарезанного лука в глазах защипало, и он поднял голову вверх, несколько секунд терпеливо глядя в потолок. Когда резь прошла, юноша быстро покончил с луком и перешел к петрушке с укропом, скрупулезно разложив пахучие веточки на доске так, чтобы их было удобнее крошить.

После рекламы начался очередной выпуск новостей, и молодой человек взял пульт, увеличив звук.

– Артур! – раздался из комнаты женский голос. – Артур, ты на кухне?

В коридоре показалась худая женщина неопределенного возраста. Бархатисто-розовый халат болтался на ее тощем теле, как тряпка на палке. Полуоторванный ремешок волочился следом по ламинату, словно истрепавшийся поводок за собакой.

– Доброе утро, мам, – сказал юноша, мельком оглядев мать.

Ольга Дмитриевна опустилась на стул, уставившись на разделочную доску с нарезанными овощами. На ее изжелта-бледном, усталом лице появилось выражение глуповатого изумления, как если бы ее сын мастерил самодельную бомбу.

– Молодец, – только и сказала она. Высохшая птичья рука с тонкой, практически прозрачной кожей неловко потянулась, чтобы погладить сына, но зависла в воздухе, даже не коснувшись его волос.

– Что... что ты готовишь? – спросила Ольга, убирая с лица прядь спутанных волос.

– Подливу, – ответил Артур. Закончив с зеленью, он вытащил из миски несколько зубчиков чеснока.

– Там на полке... – мать кашлянула, словно смущаясь, – на верхней полке есть бульонные кубики. Ты можешь...

– Бульонные кубики – отравка, – меланхолично перебил Артур мать. – Я использую обычную поваренную соль.

Женщина умолкла. Моргнув, она безмолвно наблюдала, как сын вылез из-за стола и направился к сковородке. С помощью вилки он аккуратно вынул все окорочка, положив их в глубокую тарелку, а внутрь высыпал ароматную горку мелко нарубленных овощей с зеленью.

– Я пожарил картошку, – сказал он, вновь усаживаясь за стол. Умело орудуя ножом и вилкой, Артур принялся отделять куриную мякоть от костей. – Ты ведь любишь картошку?

Ольга машинально кивнула.

«Как быстро он вырос», – потрясенно думала она, разглядывая сына. Пауза затягивалась, и она, запинаясь, спросила:

– Арчи, послушай... а папа... случайно не звонил?

Он медленно покачал головой, продолжая очищать кости от мяса. Из разломов тянулись струйки густого пара, воздух наполнился сочным ароматом тушеной курицы. Тем временем диктор перешел к региональным новостям.

«...как уже сообщалось ранее, на прошлой неделе город потрясло шокирующее убийство молодого человека, который, как полагает следствие, был заживо сварен в кипятке... Личность юноши установлена... Олег Тюрин, студент второго курса Аграрного института...»

Артур вздрогнул, лезвие ножа, соскользнув с куриной голени, мерзко скрипнуло об вилку. Он поднял глаза на экран.

– Олег Тюрин? – заторможенно повторила мать, тоже повернув голову в сторону телевизора. – Знакомое имя...

«...официальные представители правоохранительных органов скуны в своих комментариях... – между тем продолжал монотонно вещать диктор, – проводится комплекс оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление всех обстоятельств дела и лиц, причастных к этому изуверскому преступлению... После всех необходимых экспертиз тело студента было выдано близким для захоронения...»

– Тюрин, – вновь произнесла Ольга, словно желая проверить, как фамилия несчастного звучит вслух. Ее увядшее, рано постаревшее лицо накрыла смутная тень.

– Разве ты не с ним ходил в один садик, Арчи?

Артур пожал плечами, снова сосредоточившись на окорочках. Но мать отчего-то решила во что бы то ни стоило узнать правду.

– Арчи?

– Я не помню, мам, – равнодушно отозвался юноша.

Она обиженно поджала губы.

– Папа не звонил? – неуверенно спросила она после паузы.

Артур внимательно посмотрел на мать.

– Нет. Ты уже спрашивала.

Ольга перевела тусклый взгляд в окно. Сквозь цветастые занавески в виде порхающих бабочек пробивался солнечный свет, оставляя на кафельном полу яркую полосу.

– Может, это и хорошо, – прошептала она, непроизвольно трогая сальные волосы. – Хорошо, что он не звонил.

Когда последний окорочок был очищен, Артур быстро порезал мясо на мелкие дольки и высыпал получившуюся горку в сковородку. Убавил огонь, сполоснул руки.

– Я точно знаю, что с тобой в садике был Олег Тюрин, – проговорила мать, и в ее надтреснутом голосе засквозили упрямые нотки. – Я плохо помню, что было позавчера... и даже вчера. Но твое детство я помню отлично, я его вижу, словно картинку. Кажется, у вас там однажды пропала одна девочка, да? Потерялась в лесу.

Лицо Артура оставалось безмятежным, и женщина внезапно подумала, что проще узнать, о чем думает нагретый солнцем булыжник, нежели ее собственный сын.

– Да. Что-то такое там было, – улыбнулся он краем рта, протирая раковину влажной губкой.

– Прости меня, – вдруг вырвалось у нее.

Артур снял с крючка клетчатое полотенце и спросил, не поворачиваясь:

– За что?

Она глядела на сына невидящим взором, чувствуя, как окружающие предметы нервно подрагивают и расплываются, словно огромные кляксы.

«Действительно, за что?» – мелькнула у нее тоскливая мысль.

Она всхлипнула, вытирая руками мокрые от слез глаза.

– Не уезжай больше с ним. Я... имею в виду папу. Он раньше всегда забирал тебя. Помнишь? Когда... когда ты был еще маленьким. Каждый раз после этого ты плохо спал... Пожалуйста, не уезжай. Папа... Он стал... – голос женщины дрогнул, – каким-то странным. *Чужим*.

Артур повесил полотенце на место и медленно повернулся к матери, разглядывая ее в упор. Он видел все, начиная от облезлого лака на ее неухоженных ногтях до глубоких морщин, так рано состаривших мать. От дрожащих обветренных губ до глубоко запавших глаз, окаймленных темными мешковатыми кругами. Он смотрел в эти глаза, осознавая, что жизни в них не больше, чем в старой змеиной коже, смятой и высушенной под палящим солнцем, и мать с невыносимой мукой понимала, о чем он думает.

«Ты тоже стала странная, – прочитала она в его взгляде, и Ольге стоило невероятных усилий не отвести взор в сторону. – Особенно когда уже не можешь обходиться без своих чертовых таблеток...»

Несмотря на липкую духоту, обволакивающую кухню, ей стало холодно.

– Я... я боюсь за тебя, – чуть слышно промолвила женщина. – После этого случая с твоим приятелем... Как там его... Олег? Будь аккуратен. И... обещай, что не будешь от меня что-то скрывать. Если у тебя что-то случится...

И снова пронзительный взгляд, с которого, шурша, буквально сыпался колючий иней, и этот взгляд был красноречивей всех слов.

«Конечно, скажу, мама. Вот только чем ты сможешь мне помочь?»

– Я ненадолго уйду, – предупредил он вслух. Наклонился к матери, едва коснувшись губами ее впалой прохладной щеки. – Не забудь, пожалуйста, через двадцать минут выключить плиту. Не забудешь? Или мне тебе позвонить?

– Не забуду, – послушно ответила Ольга.

Артур улыбнулся, но улыбнулись лишь губы. Лицо юноши было невозмутимо-ленивым, почти сонным. Казалось, будто он дремлет на ходу.

– Иногда ты пугаешь меня, – глухо произнесла Ольга.

Молодой человек, уже намеревавшийся уйти, вежливо ждал, что дальше скажет мать.

Она вытянула подрагивающие пальцы перед собой, делая вид, что изучает необработанные заусеницы.

– Ты ведешь себя как робот. Тебя будто бы запрограммировали, Арчи. Знаешь, словно завели ключиком. Помнишь, у тебя в детстве был паровозик? Ты обожал играть с ним часами. Я часто думаю, что ты точно такой же паровозик. Да... сейчас ты послушно идешь по рельсам. Но почему-то мне кажется, что ты постепенно набираешь скорость. Да-да! Не делай удивленные глаза! Несмотря на то что ты всегда... всегда внешне спокоен, я вижу, что внутри тебя пышет самый настоящий пожар.

– Пожар? – переспросил Артур и раздвинул в улыбке губы. Правда, на этот раз это была даже не улыбка, а ухмылка. Недобрая ухмылка.

– ...и я... Арчи, я даже боюсь представить, что случится, когда этот паровозик... – Ольга запнулась и торопливо убрала руку, словно наконец осознав, насколько непривлекательно выглядят ее узловатые пальцы с выпирающими венами и неухоженными ногтями. – То есть ты... ты сойдешь с рельс. Сойдешь с рельс и понесешься напролом... сметая все на своем пути... Я не хочу этого, Арчи. Понимаешь меня? Что ты так на меня смотришь? Думаешь, я сумасшедшая?!

– Конечно, нет, мам, – терпеливо ответил Артур. – Не беспокойся обо мне. Я не сойду с рельс.

Он шагнул вперед, погладив ее по плечу. Как и следует заботливому сыну, горячо любящему свою мать.

– Не забудь о плите. Я скоро вернусь.

С этими словами Артур исчез в коридоре. Спустя пару секунд щелкнул замок, и Ольга судорожно обхватила голову, мутным взором глядя прямо перед собой.

– Ты как паровозик, – пробормотала она. – Или заводная куколка... Но куколки тоже могут ломаться... Я ведь помню тебя маленьким.

Женщина продолжала невыразительно бубнить, словно ее сын все еще находился на кухне.

– ... все твои... твои сверстники – чумазные мальчишки... с содранными коленками... Гоняли в футбол, бегали на речку... А ты месяцами сидел дома... Смотрел в окно или закрашивал альбом черным фломастером... Прости меня. Прости нас... Арчи...

Новости закончились, сменившись рекламой, после которой возобновился детективный сериал, но Ольга даже не взглянула на экран телевизора.

Бессильно опустив голову, она тихо плакала.

* * *

Юрию давно не снились кошмары. Пожалуй, последний раз, когда его посещали жуткие сновидения, имел место в веснушчато-незабвенном детстве, когда двоюродный брат как-то показал ему ужастик «Кошмары на улице Вязов» с легендарным Фредди Крюгером.

Но одно дело – плохой сон после просмотра страшного фильма, тем более когда речь идет о маленьком мальчике, по сути, ребенке. И совсем другое – проснуться посреди ночи с выпученными от ужаса глазами, взмокшим от липкого пота, с воплем, застрявшем в глотке ржавым крючком.

Во сне он возвращается домой после очередной гулянки со школьным другом Жоржем, который приехал в Каменск потусить с друзьями. Однако, к его изумлению, дома нет, он сожжен дотла, и от развалин в сумрачное небо поднимаются черные струйки дыма. Взгляд судорожно выхватывает в еще горячем пепле скрюченно-обугленные тела родных – мамы, папы и пятилетней сестренки Лизы. Глаза наполняются слезами, он что-то бессвязно бормочет, то и дело вытирая мокрое лицо.

Внезапно сквозь едкий дым появляется коренастая фигура, и Юрий отшатывается. Кто это? Кто-то из соседей, которому чудом удалось выжить после этого ужасного пожара?

«Эй, кто вы?» – хочет спросить он, но вместо слов из легких вырывается сиплый звук.

Последние клочья дыма рассеиваются, и к Юрию приходит осознание, что перед ним тот самый мужчина. Да-да, это он, тот самый милиционер, что допрашивал его и приятеля по поводу кражи автомагнитолы. Тот, которого его приятели отметили на трассе.

На нем все те же джинсы и футболка – грязные, измятые, забрызганные мочой и кровью. Половина волос милиционера сожжена, остатки седой шевелюры тлеют, словно сонно помаргивающие угли. Казалось, он только что поднялся с обочины, где лежал секунду назад – избитый, беспомощный и униженный, воняющий ссанием.

«Да вот только сейчас он не выглядит беспомощным», – думает Юрий, нервно кусая губы.

В крупной жилистой руке мужчина сжимает резиновую дубинку, сплошь утыканную гвоздями. Юрий смотрит на их хищно поблескивающие жала, чувствуя, как у него подгибаются ноги.

«Я – твой судья, – улыбается призрак. – Судья и палач. Я твой бог, Юра».

Его рот открывается еще больше, и молодой человек видит, что вместо зубов у этого чудовища тоже гвозди.

«Твой бог», – хрипло повторяет монстр, замахиваясь своим жутким оружием.

Комкая мятую простыню, Юрий сел, оцепенело глядя в черное, как деготь, окно. И уже не спал до самого утра, беспокойно ворочаясь на кровати.

А вечером этого же дня он уже снова сидел в компании Жоржа и его дружбанов. Гулянку было решено проводить в загородном доме Алекса – длинного как жердь двадцатитрехлетнего парня, одного из близких приятелей Жоржа. Предки Алекса улетели отдыхать на Мальдивы, предварительно взяв со своего отпрыска клятвенное обещание, что тот будет вести себя пристойно и не угробит дом к их возвращению.

Юрий потянулся к открытой бутылке пива со странным названием «Атта».

«Итальянское», – прочел он на этикетке и сделал глубокий глоток. Исподтишка разглядывая гостей, молодой человек с тоской подумал, что, если бы не их школьная дружба, вряд ли Жорж согласился взять его с собой на вечеринку. Он совершенно не вписывался в здешнюю тусовку.

Взять того же рыжего здоровяка Игоря, тот, что с громадными «туннелями» в ушах, как у папуаса. Всегда в шоколаде – при деньгах, своя машина, навороченный мобильник... Немудрено, он как-то хвастался, что его отец занимает какую-то высокую должность в администрации Кемеровской области... Тамаре, подружке Жоржа и любительнице потрясти сиськами при каждом удобном случае, тоже повезло – ее мать – директор крупной строительной компании, у них контракты по всей Сибири. А еще говорят, у нее какой-то бесбашенный братец по кличке Грот, который души в ней не чает и порвет задницу любому, кто на нее не так посмотрит...

И у Алекса все в шоколаде – один этот домище чего стоит! Даже его дружбан Рома, который в настоящий момент тискал двух сестер-близняшек, тоже, судя по всему, не из бедных (как и сами девчонки). Таня и Аня, хе-хе. Две совершенно одинаковые куколочки-блондинки с вечно круглыми от удивления глазами. Алекс трахает Аню, а Рома дрючит Таню... К слову, отец этих одинаковых сосок – местный нотариус.

Да, ему в этом плане гордиться особенно нечем. Отец трудится шофером на птицефабрике, а мать продает журналы и газеты, весь день напролет ютась в душной будке с вывеской «Пресса». На днях у отца от рака умерла сестра в Ангарске, из-за чего родители, заняв деньги, срочно вылетели первым рейсом. Пятилетняя сестра Лиза, понятное дело, осталась на его попечении и, нужно сказать, очень плакала, когда Юрий сообщил, что уходит по делам (на вечернику то бишь).

«Юла, я тебя люблю! Не уходи!» – рыдала она, протягивая к нему свои тоненькие ручки.

Скрипя зубами, он позвонил соседке, попросив ее посидеть с сестрой до 23.00, и та согласилась.

Он вздохнул, вновь припав к бутылке.

Кто-то включил музыку, и пространство просторной гостиной взорвалось, завибрировав от хлестких аккордов Prodigy.

На некоторое время Алекс запустил в просторную комнату Джона – своего четырехлетнего питомца-далматинца. Пес, чуток обалдев и перевозбудившись от обилия гостей и грохочущей музыки, некоторое время лаял, затем беспорядочно тыкался в ноги молодым людям, пофыркивая и пачкая всех слюной, пока Алексу это не надоело, и он не выгнал собаку во двор.

Игорь, высыпав перед собой на чистый лист бумаги горку засушенной травки, сворачивал косяк. Тамара сидела на подоконнике, положив ногу на ногу и болтая в воздухе сверкающей глянец туфелькой.

– ...и когда этот дрищ мне снова начал названивать, я ему просто сказала: «Милый мой пусик...» – ворковала она, не забывая между делом делать маленькие глоточки красного вина из бокала. – В этом мире все покупается и продается...» А он мне так обалдело: «Это значит, мы все – товар?» На что я ему: «А то! Так вот, я – эксклюзивный и уникальный товар. И стою очень дорого...»

Таня с Аней залились визгливым смехом, сидящий между ними Роман, раскрасневшийся от выпивки, глупо улыбался.

В дверь позвонили, и Алекс, неуклюже переступая длинными ногами, вышел наружу. Вернулся он с несколькими коробками пиццы и огромным пакетом, который был набит упаковками суши.

Жорж выставил на низкий стеклянный столик бутылки с крепким алкоголем. Заметив отсутствующий взгляд Юрия, он подсел к нему.

– Ты че надулся, как прыщ на жопе? А, Юрок?

Он пихнул молодого человека в бок, и Юрий выдавил напряженную улыбку.

– Так... Голова немного кружится.

– Накати вискарика, – посоветовал Жорж, доставая из пакетов пластиковые стаканчики. Он скривился, мотнув головой в сторону пива. – Че ты эту кислятину цедишь?

– Жорж, я все вспоминаю тот случай на дороге. Ну помнишь, когда мы в клуб ехали? – произнес Юрий.

На лице Жоржа появилось недоуменное выражение, затем он нахмурился, почесал затылок и лишь потом расплылся в ухмылке:

– Ты про этого ушлепка на «Форде» вспомнил? Чего это вдруг?

Юрий принялся ковырять заусенцы на пальцах.

– Меня напрягает, что о последствиях ничего не известно, – сказал он, не глядя на друга. – Ничего и нигде, как будто это было сном, понимаешь? Ни по ящику в новостях нет ничего, ни в Инете... Какая-то тишина нездоровая. По идее, этот мужик должен был обратиться в больницу. Он же мент, помнишь, я говорил? Что-то здесь не так.

– Не гони волну, Юрок, – ответил Жорж. Он плеснул себе в стакан виски, добавил колы и осушил половину. Поморщился от пузырьков, шибанувших в нос, затем самоуверенно заявил:

– Он просто понял, что был не прав. Так вот. Ему ничего не оставалось, как пердячим паром ползти домой – класть лед на свои фингалы и стирать обоссанные штаны.

Услышав последнюю фразу, Игорь засмеялся, но лицо Юрия оставалось напряженным.

– Да, кстати... – подала голос Тамара. – Жорж, слышишь?

Парень повернул голову в сторону девушки.

– Я сегодня в магазине одного чела видела странного. Вроде уж очень смахивал на того перца, что вы отделали... Ну, ты въехал.

Жорж весь подобрался, в глазах замерцал холод.

– И что? – мрачно спросил он.

Тамара пожала плечами. Она слишком резко крутанула узкой ступней, и туфелька, не удержавшись на обтянутых нейлоном пальцах, слетела вниз.

– Просто стоял и пялился на меня. Ничего не купил и свалил.

С этими словами Тамара соскользнула с подоконника, надев упавшую туфельку.

– Когда я вышла наружу, его уже не было, – закончила она. – Будто испарился.

Юрий побледнел.

– Не нравится мне все это, – тихо произнес он.

Жорж скорчил презрительную гримасу.

– Скажи мне лучше, что тебя устраивает. У тебя все хреново. Это дерьмо, здесь срань сплошная, тут какое-то гребаное пятнышко... – передразнил он товарища. – Знаешь, в чем твоя проблема, Юрок? Ты просто ссышь все время, как школьница! Не умеешь ловить кайф! И сейчас... что опять не так? Тебе клоунов вызвать из цирка, что ли?

На щеках Юрия проступили багровые пятна.

– Жорж, зачем ты так? – проямлил он, понимая, что выглядит жалко.

– Затем, что своим нытьем ты всем угар портишь, вот так, – раздраженно бросил Жорж, вновь наполняя стакан. – Братва, предлагаю тост! За нас, за удачу! За красивых женщин и ловэ в карманах!

Все оживленно загудели, подтягиваясь к столу. И в тот момент, когда пластиковые стаканчики уже готовы были столкнуться в воздухе, неожиданно с улицы раздался долгий протяжный вой.

Одна из близняшек испуганно вскрикнула, выронив свой «бокал», и он, орошая шипящим шампанским все еще теплые ломти мясной пиццы, упал на стол.

– Что за твою мать? – спросил Роман, махом опрокинув в себя неразбавленное виски.

Алекс, подумав, тоже выпил и, зажевав куском пиццы, промычал сквозь набитый рот:

– Это Джон. Может, луна выглянула.

– И чего? Твой пес что, оборотень? – фыркнула Тамара.

Жорж повторно наполнил стакан девушке, выронившей его.

Единственный, кто не выпил за произнесенный тост, был Юрий. Его и без того бледное лицо стало пепельно-серым, как у покойника. В мозгу, словно гнилая распухшая рыба со дна пруда, медленно и тяжело всплыли слова Тамары:

«...Просто стоял и пялился на меня... Ничего не купил... и свалил...»

«Это он, – подумал молодой человек, чувствуя, как внутри разрастается ледяной ком. – Он следит за нами...»

Он незаметно поставил свой стаканчик на стол и поднялся.

– Ребят, я это...

– Ты куда? – удивился Игорь.

– Сестра у меня дома осталась, – выдавил Юрий. Он вспомнил мокрые от слез глаза Лизы, и ему стало невыносимо стыдно. Она небось ждет его, а он тут прохлаждается... И зачем он поперся сюда?! Чтобы слушать тупые прогоны о богатой и сытой жизни? О тусовках, на которых он, учитывая свое происхождение, может только мечтать? Нет, он здесь явно лишний...

– Надо было ее сюда с собой взять, – назидательно произнес Алекс. Он подошел к окну, озабоченно вглядываясь в темноту. – Эй, Джон! Ты где, прожорливый балбес?!

Юрий криво улыбнулся.

– Угу, взять с собой, – повторил он. – Вряд ли сестра это оценит... Ей всего пять исполнилось.

Он перехватил взгляд Жоржа. Чуть прищуренный, не скрывающий брезгливого презрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.